

ВОССТАВШЕЕ ЗЛО
РУССКИЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Осень на краю света

ДМИТРИЙ
ЗАВАРОВ

Дмитрий Викторович Заваров
Осень на краю света
Серия «Восставшее зло.
Русский мистический детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39153232

Осень на краю света / Дмитрий Заваров: Яуза. Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-097469-6

Аннотация

Кражу иконы из захолустной сельской церкви можно было бы отнести к заурядным преступлениям. Если бы не гибель столичных экспертов, приехавших ради этой находки. Следствию не за что зацепиться – специалисты задохнулись по вине неисправного дымохода, а в полувымершей округе практически некого подозревать. Да и сам образ вроде бы не представляет никакой материальной ценности.

Юрий Пономарев, правнук первого настоятеля церкви, приезжает в деревню по просьбе друга детства, на которого падает подозрение. Поневоле втянувшись в расследование, он вынужден признать, что события все хуже поддаются рациональному объяснению. При этом происходящее загадочным образом связано с историей его семьи. Но главное – здравомыслящий

человек вряд ли сможет противостоять силам, разбуженным похитителями иконы...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	33
Глава 5	49
Глава 6	59
Глава 7	74
Глава 8	88
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Дмитрий Заваров

Осень на краю света

Αφιερωμένο στην Παναγία Τσαμλίκη

Глава 1

...когда вышел к знакомому повороту. Клочковатый сумрак поднимался от усыпанной опавшими листьями земли, растекался над лужами, затягивал пожухлую траву. Пахло прелью и дымом. Здесь, у подножия холма, было почти темно. Вверх по склону, путаясь в лабиринте кургузых оградок, карабкались могильные кресты и приземистые прямоугольники памятников – туда, где на фоне еще светлого неба виднелся четко очерченный силуэт церковного купола.

Кладбище густо заросло деревьями: среди потрепанных осенней непогодой берез и тополей выделялись яркие кляксы кленов – сумрак не смог до конца стереть краску с листьев. Разбитая грунтовка – две глубокие, заполненные стилой водой колеи – плавно огибала подножие кладбищенского холма и скрывалась за рощей. Где-то там, видимо, горел костер: дым плотной пеленой стелился над могилами, комьями ваты набиваясь под кроны деревьев.

Тропинка ручейком петляла между оград. Разбухшая от

дождей глина податливо проседала под ногами, липла к подошвам. Со всех сторон фамилии, имена, годы жизни – строгим официальным шрифтом, как заголовки в газете «Правда». С выпуклых эмалевых овалов требовательно смотрели живые лица умерших.

Сверху казалось, что внизу уже наступила ночь, мрак был рассечен еле видной светлой полосой дороги: наискось через длинный, поросший камышом овраг, к ровному ряду далеких фонарей вдоль шоссе.

Неуверенно проплутав между могил, тропка все-таки выбралась к забору из металлических прутьев, отделяющему кладбище от церковной территории. Дым, сочащийся со стороны погоста, растекался слоями над асфальтом, густо припорошенным опавшей листвой.

Церковь возвышалась над окружающими деревьями большим темно-синим куполом, усыпанным золотыми звездами, с золотым же крестом, закрепленным на толстых растяжках. Кресты поменьше венчали четыре маленькие главки по углам здания. Кирпич постройки – не красный, а темно-розовый – редко где лежал прямыми рядами: в основном кладка извивалась объемными узорами – волнами, завитками и, разумеется, крестами. Высокое крыльцо вело ко входу, над аркой которого возвышался шпиль колокольни. Церковь окружал аккуратно постриженный газон. В дальнем углу, у самой ограды, притулился небольшой домик, оформленный в той же стилистике, что и церковь. Снаружи, по периметру

ограждения тянулся ряд елок. У закрытых ворот горели два фонаря, опрокидывая на газон причудливые тени от кованых узоров створок.

От автомобильной стоянки перед церковью уходила дорога – туда, где за небольшим березовым перелеском виднелись огни деревни. Свежеположенный асфальт масляно чернел, и небольшие лужицы в неровностях пути казались каплями незастывшего гудрона.

Сразу за перелеском дорогу с обеих сторон стиснули глухие заборы: корявые ветки яблонь лезли наружу из-за высоких стен, словно спасаясь от чего-то. Темно было в деревне. Редкие накренившиеся фонари вдоль обочины еле-еле освещали сами себя. Потом потянулись заборы попроще – гнилой, покосившийся штакетник. Кое-где в глубине разросшихся садов виднелись световые прямоугольники окон.

Наконец дорога вывела на открытое пространство. Посреди небольшой площади стоял памятник Ленину. Из-за того что вождь был небольшого размера, казалось, что на постамент залез какой-то расхулиганившийся подросток. Фонари здесь горели не такие, как в переулке – высокие, яркие. Напротив Ленина – магазин «Продукты», на фоне светлой витрины виднелись два человеческих силуэта. Асфальт на площади весь в выбоинах, пузырях растрескавшихся кочек, словно горох на нем кололи. Большой перекресток: четыре дороги расходились в разные стороны. И ныряла вправо малоприметная дорожка – машина еле проедет. Традиционно

деревенская грунтовка: щебенка да битый шифер.

Здесь было намного холоднее. Деревня стояла на холме, и осенний ветер всюду носился по площади, ерошил лужи, цеплялся за ветки разросшихся ив. Но стоило повернуть в переулок – опять тишина, только хрустит под ногами гравий, да тихо шелестят низко нависшие над дорогой яблони. Крупные шары антоновки свисали, как новогодние игрушки.

Калитка стояла открытой нараспашку. Дорожка из плиток, пьяно забирая вправо, вела к приземистому одноэтажному дому. Горело только одно окно, свет выхватывал из сумрака край узорчатого наличника, покрытого, как коростой, хлопьями растрескавшейся, облупившейся краски.

За углом дома притулилась терраска, вся перекошенная, угол задран выдавленным из земли кирпичным столбом. Истертые ступени вели к двери, обивку которой будто распирала изнутри какая-то сила: веревки глубоко врезались в черный протертый дерматин, вычертив на нем узор из ромбов.

– Кого там?! – донеслось из окна.

Загремели ведра, с сухим треском упала на пол какая-то деревяшка, звякнуло – дверь скрипнула, и в освещенном проеме возник невысокий кряжистый старик в грязных джинсах и тельняшке. Пахло табаком и яблоками.

– Ну чего? – свесился с порога, щурясь в темноту.

Усы воинственно топорщились над губой старика, придавая лицу – широкому, носатому, с глубоко посаженными глазами – какое-то бандитское выражение. Густые седые воло-

сы торчали, как иглы дикобраза.

– Не узнаёшь? – спросил гость.

– С какого мне тебе узнавать-то? – ошетинился старик.

– Свет экономишь, Иваныч?

– Чего?

– Свет, говорю, над крыльцом есть? – терпеливо пояснил гость.

– Был где-то, – сбавляя обороты, проговорил хозяин и, отклонившись внутрь, пошарил по стене рукой.

Под козырьком вспыхнула лампочка, осветив скамейку у окна, ряд кленов вдоль дороги и пришедшего: невысокого мужика лет под пятьдесят в плаще и кепке. Он тоже был с усами, но его усы, унылой подковой огибавшие рот, выглядели не в пример аккуратнее хозяйских.

– Итить! – заорал хозяин, взглядевшись. – Юрка! Лично!

Он взмахнул руками и, пошатываясь, резво сковылял с крыльца. В процессе движения выяснились два неоспоримых факта: во-первых, старик был хром и, во-вторых, пьян.

– Не Юрка, а Юрий Григорич, – поправил сам себя хозяин, троекратно облобызав гостя.

Юрий Григорич вяло ответил на пьяные обнимания, по возможности быстро прервал процедуру приветствия и наставительно молвил, покачав перед носом у друга пальцем:

– Сытый голодному не товарищ, Федор Иваныч.

– Дык в чем дело-то! – радостно всплеснул тот руками. – Пошли, исправим!

Метнулись тени по струганым, разошедшимся половицам терраски, скрипнула внутренняя дверь, луч света обличающе высветил захламленный садовым инвентарем угол, стол с россыпью душистых яблок на драной цветастой клеенке, ячеистое широкое окно с треснутыми стеклами...

– Идем, идем, – пропыхтел старик, обернувшись в проеме. Духовитая атмосфера избы словно отрезала запах яблок и осенней сырости. Прямо из сеней попали на кухню, маленькую и неопрятную: раковина с отбитой эмалью, пузатый бак АГВ в углу, оконце с занавесками на струне карниза, в углу – холодильник и телевизор на нем, напротив – стол, заваленный пакетами: сахар, соль, крупа, хлеб. За дальней открытой дверью виднелась жилая комната: ковер на стене, усыпанный, как заплатами, фотографиями в деревянных рамках. За неприметной дверью справа от входа – Юрий Григорич знал это – находилась ванная с туалетом.

– Заходи, садись, вот сюда давай, – суетился от радости Иваныч.

Хозяин плавно покачивался, сверкал веселым хмельным взглядом. На столе водка, кастрюлька с картошкой, лук и горка соли на блюде.

– Бедновато живешь, герой-орденоносец, – оценил ассортимент Юрий Григорич.

– Да и ты, я вижу, больше девок кудрями не увлекаешь, – отозвался старик, хитро прищурившись.

Гость как раз снял плащ и забросил на вешалку кепку, и

теперь плешь на его голове озорно поблескивала под низко висящей лампой без абажура.

– Ну давай тогда за встречу, – пригладил волосы Юрий Григорич.

– Об том и речь!

Старик цепко выхватил из-под тумбочки еще одну рюмку, разлил. Чокнулись со звоном, от души, синхронно опрокинули, крикнули. И так же одновременно ухватили луковицы. Пальцы у деда Иваныча были бугристые, изогнутые, с расплюснутыми желтыми пластинами ногтей – и Юрий Григорич застеснялся своих ухоженных, местами даже элегантных рук.

– После первой по второй кто не выпил – тот дурак, – заявил дед, снова ухватив бутылку.

– Ну у тебя-то уже и не третья, поди...

– Ты мои не считай, ты свои считай, – посоветовал Иваныч, наполняя стаканы.

И снова, прозвенев стеклом, синхронно выпили.

– Звал-то чего? – спросил Юрий Григорьевич, хрустнув луковицей.

– Картошку вон бери, – махнул Иваныч, заметно насупившись.

– Покурим?

– На улице. В доме не курю. Внук у меня, понимаешь, завелся...

– И давно?

– Второй год.

– Ну пойдем.

После тепла кухни улица показалась по-зимнему холодной. Ночь наваливалась на деревню шипящей темнотой: дождик сыпался с неба, искрились капли на освещенном окне. Закурили, помолчали. Дед, нацепив обрезанные у голени резиновые сапоги, спустился на землю, Юрий Григорич в тапках – с крыльца.

– Ну? – напомнил Юрий Григорич.

– Ты все еще в Метрострое? – не то спросил, не то уточнил Иваныч.

– На пенсии...

– Охо-хо... Помнишь, как яблоки у меня воровал? – сверкнул стальным зубом дед.

– Дядя Федя, по делу давай.

И снова будто подзатыльник старику влепили – и улыбка исчезла, и глаза потускнели...

– Посадить меня хотят, Юрка! – помявшись, выпалил дед и отчаянно затянулся.

– Не посадят! – твердо заявил Юрий Григорич.

– С чегой-то?

– Ну а сколько тебе стукнуло?

– С двадцатого я. Сам считай.

– Восемьдесят... Не посадят.

– С них станется. Да и не это важно. Внук у меня, так? Я что им, чикатила какая? Таскают туда-сюда – участковый,

следователь. Я их взорву, к собакам – у меня мина противотанковая...

– Да что ты сделал-то?

– Ничего. Я тут сторож, в церкви то есть нашей. Ну как... не то чтобы сторож. Я тут рядом живу, потому отец Андрей обратился, попросил приглядывать, если уж бессонница... Ну, и доплачивает он мне за это. Или там продуктов... Поэтому и ходил той ночью. Потому что проверять надо. Такая обязанность у меня, понимаешь?

– Давай-ка по порядку, дед. – Юрий Григорич достал новую сигарету, прикурил.

– В дом пошли, – попросил Иваныч.

– На свежем воздухе оно лучше будет. У тебя тут язык резвей ворочается.

– Я как увидел, что они мертвые...

– По порядку, дядя Федя, по порядку, – напомнил Юрий Григорич.

– Хорошо. – Иваныч подобрался, тоже засмолил новую беломорину. – Икона у нас в церкви. Бабка твоя Ульяна лет пять тому, перед самой смертью, отдала. Помнишь? Ну вот. Тут выяснилось, что имеет она большую ценность. Три дня назад комиссия приезжает, так? Два мордоворота из ихних, в рясах. И два не из ихних, тоже мордовороты – охрана, значит. В сторожке заночевали. Утром мертвые. Я их нашел. Я, получается, и убил.

– Те, которые приехали забирать?

– Ну!

– Почему ночью приехали?

– Они днем еще объявились. Пошли сначала в храм, потом икону взяли – в сторожку. Потом еще что-то... Отец Андрей им и говорит: оставайтесь, мол, до утра. Чего вам на ночь в Москву? Ну, остались.

– А ты сторожил?

– Я ночью два раза выходил. У них там «Мерседес». Большой, черный. Мало ли что? Наши выпивохи гвоздями неприличные слова нацарапают. Они, наши-то, икону отдавать не одобряли. Да и я тоже считаю, что...

– Ты не отвлекайся.

– Ну да. Те, специалисты, они спать легли. А охрана чаю попросила. Я им самовар принес. Ну и вот... Второй раз пошел обход делать. Смотрю, у этих в сторожке свет горит. Думаю, надо зайти, может, что еще надо? Вокруг церкви обошел... Вбегаю к этим – а они уже и мертвые. На полу лежат. Я к отцу Андрею. Он к Федорову. Это участковый наш. Ну, Вовка – ты его знаешь...

– И поэтому они решили, что ты убил?

– Они бестолковые там все, понимаешь? Что наш Вовка, что следователь из Калуги. Им лишь бы на кого это повесить. Весной еще на столбе у церкви видеокамеру поставили. Записывает, что там происходит, круглые сутки. И на записи никого, кроме меня, нету, понимаешь? Там все мертвые, в сторожке, икона пропала – а никто, кроме меня, не входил,

не выходил.

– Померли отчего?

– Угорели, говорят...

– Печку, что ли, топили?

– Так холодно по ночам-то уже. Топили, должно.

– И дымоход неисправен?

– Нормальный дымоход. Я как вбежал, так и не заметил ничего такого.

– Угарный газ без запаха.

– Нормально дышалось там, Юрка.

– Времени сколько было?

– Часа четыре...

– И что ты делал там в четыре часа ночи?

– Ну это, обход делал.

– Ты каждую ночь обход делаешь?

– Говорю же, потому что «Мерседес» у них, черный...

– Церковь вокруг обошел?

– Ну. Потом к этим, кто за иконой приехал.

– А теперь давай правду.

– Чего? – Иваныч изумленно задрал голову.

– Правду.

– Об чем?

– Зачем к сторожке побежал? – быстро спросил Юрий Григорич.

– Почему побежал? – спохватился Иваныч.

– Сам так сказал.

– Не так выразился. Пошел, имелось в виду.

– Зачем?

– Спросить, мож надо чего?

– И...

– Вошел, а они мертвые...

– Зачем людей убил?

– Юрка, ты чего? – Старик горестно всплеснул руками.

– Тогда не ври.

– Дык я же и говорю...

– Иваныч, ты, откуда бы ни шел, так или иначе мимо окна сторожки не проскочишь. Ты обязательно бы заглянул. И увидел бы, что они мертвые, еще с улицы.

– Я в окно не заглядывал. – Дед порылся в кармане телогрейки и достал еще одну папиросу.

– А должен был заглянуть. И постучать. Вдруг спят? Нет?

– Нет, – отвернулся Иваныч.

– Давай, давай, рассказывай.

– Я не сумасшедший, Юрка, – с вызовом заявил старик и крутанул левый ус так, что он встал дыбом.

– Ну так кто спорит-то? – подбодрил с крыльца Юрий Григорич.

– Короче говоря, так, – резанул ладонью Иваныч. – Иду, а она там, за забором, со стороны кладбища стоит...

– В четыре часа ночи?

– Ну! Я поначалу к ней: кто, зачем? А как разглядел – бегом обратно.

– Что она там делала-то, в такой час на кладбище?

– Сказать по совести, ей там самое место.

– Да?

– Да. Это бабка была твоя, Юрий Григорич. Ульяна. Которую мы там и похоронили.

Замолчали глубоко, надолго. Шумел дождик. Табачный дым клубился вокруг лампочки, и бился в дыму одинокий крупный комар. Старик зябко передернул плечами, повернулся и решительно...

Глава 2

...потому что другого объяснения нет! – хлопнул по столу капитан Сапегин, и часы на запястье весело блеснули.

Было это поздним вечером. Гудящий свет люминесцентных ламп давил на глаза, бликовал на протертом до дыр линолеуме в кабинете участкового уполномоченного. Висел над столом портрет президента Ельцина, и капитан Федоров нет-нет, да и косился на него: вовремя не сменил, теперь уже поздно – Сапегин заметил и даже замечание сделал. Хмурился участковый, выслушивая версию следователя: логично выходило у него, складно. Сапегин сидел за столом, а хозяин кабинета рассказывал перед ним из стороны в сторону: от шкафа с папками и книгами до журнального столика с электрочайником и чашками.

– Но даже если и так, то почему все четверо разом задохнулись? – нападал Федоров.

Участковый был толст и низок, с мясистым загривком, практически без шеи. Густые волосы коротко стрижены. Пухлые губы и нос картошкой делали его похожим на Карлсона из советского мультфильма – он сам это прекрасно осознавал, поэтому к закономерно приставшей кличке относился с пониманием. Хотя теперь, когда давно перевалило за сорок, Карлсон из участкового получался весьма потрепанный жизнью.

– Володя, они печь топили? – Сапегин нисколько не горячился, осознавая свою правоту.

Капитан Сапегин внешне был полной противоположностью Федорова: худой, высокий, лысый. И поэтому спор двух этих людей со стороны выглядел весьма естественно, даже закономерно: чего еще ждать от противоположностей? Участковый долго подбирал ему соответствующий персонаж из кино – казалось, что Сапегин отчетливо похож на кого-то, но сравнение постоянно ускользало... И вот сегодня утром внезапно осенило: да просто вылитый Кальтенбруннер из «Семнадцати мгновений весны», только с бритым черепом.

– Топили! – согласился участковый. – Но в одном из двух помещений. Дверь между ними закрыта была.

– Отравление угарным газом подтверждено?

– Предварительно.

– Все. Что тебе еще надо?

– Икону мне надо.

– У сторожа она. У Томина.

– Гениально! У него ключи от церкви и без того были. Он эту икону мог украсть сто раз.

– Узнал от приехавших специалистов истинную цену – вот крыша и поехала от жадности.

– Знаешь, сколько ему лет?

– Ну правильно, решил перед смертью гульнуть на полную. Или в наследство передать.

– Нет у него никого.

– Не все так просто, товарищ капитан. Ты ведь знаешь, что он на старости лет пытался усыновить ребенка из вашего местного детдома?

– Ну, знаю, – недовольно скривился Федоров.

– Комиссия ему отказала?

– Да не было никакой комиссии. Сказали: не суйся – и все дела.

– А что так? – ехидно сощурился Сапегин.

– Да вот так вот...

Федоров отошел к окну. Стекло четко, во всех подробностях отражало обстановку кабинета, а улицу, наоборот, размывало, корежило в потеках дождя. Смутные образы: деревья, фонари, низкие тучи, похожие на грязное стеганое одеяло – как на картинах импрессионистов. Поздно уже, совсем ночь. Стоянка перед сельсоветом вся в лужах, и одинокая «девятка» следователя Прокуратуры Сапегина у бордюра. Упрямая осень в этом году, ранняя, тягучая, как затяжная болезнь. Раскисла от непогоды земля, даже в редкие солнечные дни не просыхает. И к утру опять поднимется липкий туман. За спиной Федорова торопились-тикали старые часы в массивном деревянном корпусе. Их отражение суетливо поблескивало качающимся маятником. Нашел на свалке, починил, повесил в кабинете: раз в полчаса тоскливо бьют, отсчитывая время жизни. Не переубедить Сапегина, будет муржить Томина до упора, пока не надоест. А Иваныч... характер у него сложный, мягко выражаясь – чего-нибудь

учудит в отместку. А деревня без Иваныча будет совсем уже не та...

– Томин этот вообще-то, как я понял, тип еще тот, – будто подслушал мысли коллеги Сапегин.

– Откуда такая информация? – развернулся от окна Федоров.

– Навел справки.

– Федькин тебе наябедничал, – брезгливо протянул участковый. – Справки он навел!

– Ну так и что? Он председатель, он знает. Жаловался, что Томин уже второй год угрожает его взорвать. Между прочим, противотанковой миной. Был такой сигнал?

– Откуда у старого алкоголика противотанковая мина, товарищ капитан?

– Так он танкистом в войну служил.

– Служили мы с тобой. Он воевал.

– Вы не родственники? Чего ты так за него вступаешься?

– Володя, ему девятый десяток. Дай старику помереть спокойно.

– Я сюда приехал не над стариками измываться, а преступление расследовать, – резонно возразил Сапегин. – С меня тоже спрашивают. И пожестче, чем я с него.

Федоров снова отвернулся к окну. По пешеходной дорожке, отгороженной от шоссе рядом ободранных тополей, медленно перемещалась шаткая фигура. Дорога вела со стороны круглосуточного магазина. Никого из знакомых в пьяном

Федоров не опознал. Фигура, опасно накренившись, зависла над лужей, кое-как выправилась, но спустя пару метров споткнулась и рыбкой нырнула в канаву. Надо будет по дороге домой пнуть, попробовать разбудить. Зимой бы замерз насмерть... Капитану Федорову пришлось прошлой весной одного такого оформлять. Труп нашли на лесной опушке, в стаявшем сугробе. Участковый поморщился от воспоминания: когда он приехал, на лице «подснежника» задорно чирикали и резвились снегири – птицы ковырялись в бледных заледеневших глазах.

– Нельзя жить в деревне и не пить! – заявил Федоров, усевшись напротив капитана.

– Это ты к чему? – слегка удивился Сапегин.

– Так, мысли вслух. Давай попробуем все заново обмозговать.

– Обмозговать – оно всегда полезно, – согласился Сапегин и с хрустом размял шею.

На столе были раскиданы бумаги, папки-скоро-сшиватели, блокноты. Капитан периодически порывался поправлять этот хаос и отдергивал руки, вспоминая, что сидит на чужом месте. Федоров придвинулся ближе, стул застонал под его массой.

– Специалисты приехали за иконой к четырем часам дня, – начал Федоров перечислять факты. – Провели предварительный осмотр. Отец Андрей предложил им переночевать. Отца Андрея не подозреваешь?

– Подозреваю, – согласился Сапегин.

– Он за пять лет тоже мог найти возможность ее умыкнуть. Без свидетелей.

– Как только выяснил, что икона подлинная...

– Он в этом и не сомневался.

– Да? А почему тогда ихние спецы заинтересовались иконой только сейчас?

– Не знаю. Настучал, наверное, кто-то. – Федоров почесал затылок. – Вообще, оно, наверное, правильно: чтобы ценная икона где-нибудь в музее, под охраной, хранилась. Но как-то это несправедливо. Она же в нашей церкви с самого начала была. Пропала, вернулась. Отец Андрей говорил, что эту икону нельзя из церкви выносить.

– Почему это?

– Беда будет.

– Это он откуда решил?

– Не знаю.

– А если честно?

– Сказал, приснилась бабка Ульяна, та, что передала икону церкви. Предупредила. Так нормально?

– Понял. Запишем: свято верил в подлинность. Возвращаемся к теме беседы.

– Возвращаемся, – кивнул Федоров. – Специалисты определили, что икона имеет художественную и историческую ценность. Определили к десяти часам вечера. Ехать до Москвы три часа. Логично было предложить переночевать?

– Логично. Отец Андрей Кармазин сказал, что результаты экспертизы сообщили только ему. Томин при разговоре не присутствовал. Однако это ничего не меняет.

– Как минимум доказывает, что его там не было.

– Он там был после. Общался с гостями. Сам показал, что ставил им самовар. Учитывая контекст ситуации, обязательно должен был поинтересоваться выводами экспертов?

– Не исключено.

– Так оно и было, что тут исключать-то?

– Хорошо! Но... – подался вперед Федоров.

– Хорошо! – Сапегин вытянул ладонь, прервав коллегу на полуслове. – Дальше. Он предлагает включить... то есть затопить печку. Потому что сыро. Разжигает дрова. Задвигает заглушку...

– Выюшку, – поправил Федоров.

– Выюшку, – согласился Сапегин. – Потом уходит. Люди травятся угарным газом. Он возвращается. Прячет икону, отодвигает заглушку, открывает форточки. И разыгрывает панику – будит людей, вызывает милицию. Что тебе не нравится?

– То, что ты совершенно не учиываешь возраст твоего подозреваемого. Это дед. Восемьдесят лет. Ему помирать скоро. Куда он эту икону денет? У него много выходов на барыг? Или он, когда до Берлина дошел, там полезные связи завел? Переправить за кордон планирует?

– Вопрос реализации пока отодвинем в сторону, – заявил

Сапегин. – Ты запись с камеры смотрел. Видел все сам: не было там никого, кроме Томина, понимаешь?

– Так, погоди! Он заходил с самоваром. А потом только под утро, когда они уже были мертвы.

– Время смерти там плюс-минус час. Ты мне лучше скажи: если не он взял, то кто? После него вы вместе со священником заходили. Других на видеозаписи никого нет. До самого приезда группы. Версию сговора рассматривать будем?

Сапегин наклонился поближе к участковому и, погладив широкой ладонью блестящую лысину, заговорщицки подмигнул.

– Во! Логичный вывод. Благодарю. – Федоров иронично поклонился.

– Только давай без обид, ладно? – поморщился Сапегин. – Вывод, как ты сам сказал, весьма логичен. Но только вас с настоятелем я не подозреваю.

– Что так? – хмыкнул участковый. – Мозгами не доросли?

– Наоборот. Вы не идиоты. Как ты правильно заметил, выкрасть икону священник мог давно, и без особого шума. Тем более если был уверен, что она подлинная. На крайняк сам бы потихоньку на экспертизу отдал. И не было бы никакого шума. С тобой, опять же, не пришлось бы делиться. Так что, как ни крути, а один ваш Томин и остается.

Федоров тяжело вздохнул. Он глядел на спокойное лицо коллеги и понимал: версия, которую ему сейчас изложил Сапегин, и станет в этом деле основной. Нужно признать, впол-

не заслуженно. Если бы не запись с камеры, на дядю Федю, наверное, и не подумали бы. А так выходит, что кроме него некому. Сапегин не местный, не знает, кто такой Томин, и почему он, наверное, последний человек из всех в деревне, на которого можно подумать...

– Знаешь, друг Володя, – Федоров пожевал губами, – Федор Иванович, он, как бы тебе сказать... никогда особо деньгами не интересовался. Я его с детства помню. Это сейчас он нищий, а при Союзе была у него пенсия ого-го! Так вот, в день выдачи у дяди Феди алкашня со всей округи собиралась. Пару дней гуляли, всех поил. А потом до следующей пенсии бегал по деревне, занимал, чтобы жратвы купить. Так и жил...

– Я понимаю, к чему ты это рассказал, – покивал Сапегин. – Но давай без эмоций. Смотри: пацаненка из детдома, что к нему постоянно бегают, он внуком называет, так? Ему когда не дали его забрать, знаешь, что сказали? Сказали: у тебя, дед, доходов на одного еле хватает, где тебе еще ребенка содержать. Вот дед таким образом и решил эту проблему. Понял?

– Пуаро Агаты Кристи, – заявил Федоров.

– В жизни сюжеты и поинтереснее бывают. – Сапегин с улыбкой откинулся на спинку стула.

Федоров снова подошел к окну. Дождь усилился, жесткие капли барабанили по карнизу, жирными червями сползали по стеклу. Сквозь щели в раме доносилось прерывистое ши-

тение: поднявшийся ветер пытался прорваться внутрь. За спиной скрипнуло, зажужжало – часы угрожающе отбили половину одиннадцатого.

– Знаешь что, – Федоров крутанулся так резко, что линолеум взвизгнул под каблуком, – я тебе одно могу сказать...

Глава 3

...то ли разбухла от сырости, то ли перекосило. Хотя, казалось бы, куда уж больше? Скособооченная, вздыбленная терраска у дяди Феди Томина – это всегда так было, сколько Юрий Григорич себя помнил. Схватился двумя руками за скобу, дернул изо всех сил – дверь с треском распахнулась, в оконных рамах зазвенели стекла. Ветер мокрым порывом лизнул разгоряченное лицо. Темнота пахла дождевыми червями.

Уселся на пороге, закурил. Ватное опьянение еле заметно мотало из стороны в сторону. Затягивался, смотрел в ночь. Свет с кухонного окна золотил серую, в занозах, стену сруба. Фундамент выдавался от стены сантиметров на двадцать, выступ покрыт жестью: жирные капли, срываясь с крыши, гулко били по ржавому металлу. А дальше, впереди – ничего, только шум дождя и шорох ветра. И далеко, у горизонта, светлое пятно: отражались в тучах огни Калуги.

Беломорина быстро стлела. Две пачки сигарет взял с собой из Москвы – мало оказалось, скурил все дед Иваныч. Теперь вот приходилось его табачок курить. Хотя... Беломор – тоже хорошо. Знакомый с детства вкус: с него начинали баловаться куревом, им и перебивались в голодные студенческие годы.

Дождь закончился, но невидимый сад все еще шумел кап-

лями – как эхом отзывался. От стены терраски кисло тянуло старым сырым деревом. И звуки знакомые, и запахи. Каждое лето ездил в деревню Юрий Григорич, пока молодой был. Но до сих пор из памяти не стерлось. И то ли все дело в выпитой водке, то ли и правда детство вспомнил: сложил пальцы, остро свистнул в темноту. Откликнулась ночь разномастным лаем собак. И лай показался знакомым. В темноте, когда не видно высоких глухих заборов, будто и не поменялось ничего. Сколько тут не был? Лет двадцать, поди... А, нет – еще на похороны тетки Ульяны приезжал. Но даже ночевать не остался: родственник-наследник почему-то вызвал отвращение.

Нащупал на вешалке у двери тяжелый, прорезиненный плащ. Заскорузлый, разящий плесенью и керосином брезент не хотел распрямляться: стоял колом, путался в ногах. А калитка так и осталась открытой – забыл о ней Юрий Григорич. Нет, понял он, не забыл: оставил на случай экстренного отхода. Был у Иваныча пес по кличке Жуков, большой, нечесаный, злой. Сдох, конечно, уже давно. Но старик мог и нового завести... Нет, не мог. На пенсию сегодня себя бы прокормить, не то что пса.

Ветер летал по переулкам, цеплял за капюшон. Плащ более-менее размялся, уже не стучал складками по ногам. Юрий Григорич свернул с площади к церкви. Освещенный крест торжественно сиял на фоне неба. Дернул с ветки яблоко, отскочил от водопада капель, откусил – аж челюсть свело.

Антоновка, ароматная, твердая и необычайно кислая. Переборол себя, дожевал, проглотил. Хотел было бросить огрызком в темнеющий за штакетником дом, но одумался: тридцать лет назад надо было бросать, а сейчас стыдно.

Вышел на площадку перед церковью: тихо, светло, безлюдно. Светят фонари, отражаются в лужах. На секунду в свет влетел трепыхающийся комок – летучая мышь – и обратно, в ночь.

Значит, вон в той сторожке их всех убили... Домик стоял в углу ограды. Окна были с той, противоположной стороны, на улицу смотрела основательная кирпичная кладка с замысловатыми узорами. Над бурой медной крышей возвышалась квадратная печная труба: по верхнему краю был выложен ступенчатый бортик, придавая трубе сходство с грибом.

Юрий Григорич покрутил головой, высматривая камеру. Нашел: на крайнем столбе со стороны кладбища. Объектив направлен на храм, но, судя по всему, полностью захватывает церковный двор и сторожку. Он достал папиросу, прикурил спичками, обнаруженными в плаще – лет десять уже спичками не прикуривал, нет в Москве спичек. Остановился, разглядывая церковь. Мальчишкой, когда услышал легенду, что от храма до детдома на холме, через овраг ведет подземный ход, подбил друга Ваньку залезть внутрь. Тогда церковь еще использовалась как склад какой-то архивной писанины. Два дня пилили решетку на окне, чтобы никто не заметил. Забрались. Стеллажи с папками и коробками, до-

верху набитые бумагой. Странное ощущение, когда стоишь под главным куполом. Синие стены от пола до начала сводов. Но выше, куда не дотянулись советские маляры, – разноцветная роспись: печальные лица в окружении золотых кругов, надписи на старом языке. С потолка свешивалось несколько ржавых цепей. В подвале тоже ничего интересного, только большая ржавая печь, несколько труб, выведенных прямо в стену, много битого кирпича и трухлявых досок. Не было хода ни в печи, ни под мусором. Может, плохо искали...

Окурок, коротко прошипев, потух в луже, Юрий Григорич уже повернул в переулок – но краем глаза выхватил какое-то движение со стороны погоста. Резко развернулся: на границе света в лабиринте могильных оград что-то двигалось. Машинально посмотрел на часы: начало четвертого.

Быстрым шагом, почти бегом – туда. Вот калитка. Тропинка. Масляно поблескивают лужи, шелестят клены. Да, так и есть: в глубине, метров, наверное, двадцать – высокая фигура.

– Стой! – грозно прокричал Юрий Григорич.

Фигура нырнула за памятник.

– Стоять, сказал! – вошел в азарт Юрий Григорич.

Шлепая по размякшей глине, оскальзываясь на листьях, прыжками понесся меж могил, на бегу доставая нож.

– Стоять, сука!

Неизвестный послушался, встал. Только смутный силуэт – фонари сюда не добивают. Высокий, метра под два. То ли

в плаще, то ли в шинели.

– А ну, быстро ко мне! – скомандовал Юрий Григорич, подлетая.

И тут же над ухом остро вспыхнуло, понеслась навстречу решетка, блеснул на черноте гранита эмалевый овал фотографии. А дальше, за плитой, в платке и своем любимом демисезонном пальто, стояла тетка Ульяна, какой Юрий Григорич ее...

Глава 4

...порыв сорвал с креста ворону, протащил несколько метров, но птица пересилила ветер, сумела встать на крыло и с раздраженным криком заскользила наперерез потоку. Через кладбище, полускрытое колышущимися кронами берез. Через разрезанный рыжей лентой дороги луг, в центре которого червем извивался ручей в ложе из камышей. Туда, где противоположный берег круто взмывал вверх, упираясь в огороженную балюстрадой полукруглую площадку, аллею, обсаженную ровными рядами тополей. И дальше – к трехэтажному особняку с жестяной, исчерченной ребрами швов крышей.

– ...так что ничем помочь не могу, сами понимаете, – покачал головой директор.

– Да понимаю, конечно, – вздохнул капитан Сапегин. – Но все-таки, если не против, я бы поговорил с охраной.

Сапегин пришел в детский дом один, Федоров отказался, взял на себя разговор с деревенскими. Капитан тогда посмеялся над коллегой, а теперь понимал, что участковый, оказывается, оказался хитрее. Сидел напротив него директор, Николай Васильевич Шубин. Типаж – престарелый профессор-чудак из советского фильма. Щуплый, лысый, румяный и, судя по ряду признаков, не совсем физически здоровый. Нервничал, защищая детей. При разговоре наклонял голову,

словно прицеливался боднуть собеседника, – и тогда очки в массивной коричневой оправе угрожающе свешивались с тонкого хрящеватого носа: вот-вот упадут. Директор постоянно поправлял их резким, точным ударом пальца по дужке. И ведь, что главное, вопросы задавал острые, прямые.

– Вы что, правда подозреваете кого-то из моих ребят? – Морщинистые щеки тряслись от возмущения.

– Господи, да никого я не подозреваю! – Сапегин не выдержал взгляда, отвернулся. – У меня нет фактов, понимаете? Работа такая: ходить и задавать вопросы. Покажите мне преступника – я его арестую. Без вопросов. А если нет такого – тут уж приходится вынюхивать. Вот вы бы на моем месте что делали?

Шубин на секунду задумался, придвинулся к столу. Машинально выровнял большую чернильницу на мраморной подставке.

– Я бы? Ну, знаете... наверное, нужно дать описание иконы во все антикварные салоны?

– Точно, – согласился Сапегин.

Директор наклонил голову и ткнул блестящей лысиной в направлении капитана:

– Предупредить таможеню, чтобы не вывезли за рубеж!

Лысина у директора была гладкая, весело поблескивающая, как новогодняя игрушка.

– Правильно, – согласился Сапегин. – Вам бы к нам, с таким знанием матчасти.

За спиной директора, на стене, висели крупные фотографии в рамках. Судя по подписям, выпускники детдома. Фотографии советского периода, это было видно по каким-то неуловимым чертам: то ли стилистика, то ли одежда, а может быть, и даже скорее всего, сами выражения лиц: и мужских, и женских. Чем-то они отличаются от современных. Сапегин поймал себя на том, что всерьез пытается это понять. И вроде бы понял: сейчас люди на фото смотрят перед собой, а раньше все будто бы разглядывали что-то вдаль.

– У вас наверняка есть картотека преступников, специализирующихся на подобных кражах, – отвлек его от мыслей директор.

– И убийствах, – саркастически добавил Сапегин.

– Ну да, – Шубин немного смутился, – да, конечно. Но все-таки цель-то, несомненно, икона.

– Не знал о ней никто, кроме местных, – напомнил капитан.

– Надо с местными и разговаривать!

Директор боднул воздух и впечатал в стол сморщенный изогнутый палец. И этим же пальцем стукнул по очкам, снова съехавшим к самому кончику носа.

– Вот мы и разговариваем. Вы местный. И дети у вас тут местные. В том числе и неблагополучные. Или нет? Мне известно, что шесть ваших воспитанников состоят на учете в милиции. А один выпускник два года назад сел за убийство.

Все-таки хороший директор у детдома, отметил про себя

Сапегин, когда увидел, как, спрятав глаза, покраснел, вжался в кресло Шубин.

Маленький был кабинет, но очень светлый: широкое сводчатое окно почти во всю стену – угадывается в нем старорежимная породистость, нерациональный шик. Но краска на раме отстает пластами, кляксами проглядывает темно-коричневое дерево. И батарея внизу под стать раме: с черными сколами, потеками ржавчины на сочленениях. Шкаф, сейф да стол. На столе, между прочим, порядок: только чернильница да часы. А сам стол тоже, видимо, из дореволюционной эпохи: с резными элементами, массивный и очень дряхлый.

– Ну а что мы можем-то? – пробормотал наконец Шубин. – Пакость одна по телевизору. И в жизни мерзко стало. Повелазило откуда-то мрази. Мальчишек всегда тянуло в дурные компании.

– Вот, – согласился Сапегин, – в том числе и про плохие компании. Если не они, так их друзья могут быть причастны. Вы не будете отрицать, что ваши воспитанники знают отнюдь не с профессорскими детьми?

– Да, к сожалению, – снова покивал директор. – Большой вопрос, знаете ли. В советское время их лихо брали в оборот. Комсомол, профсоюз, райком... У нас раньше собственная мастерская была. Готовили плотников, неплохих, кстати. И был интерес. А теперь ничего нет. Теперь только один интерес – деньги. А зарабатывать не хочется. Хочется как в кино: шел по улице, нашел чемодан с долларами, разбогател,

улетел на Канары. Зачем работать, если где-то лежат пачки денег? Да и кем работать?

– Тем же плотником, – сказал Сапегин.

– Плотником на красивую жизнь, что в кино показыва-
ют, не заработаешь, – кисло улыбнулся Шубин. – И не учим
мы больше плотников. Развалилась мастерская. Кто на та-
кую зарплату пойдет? Вот отучатся они в школе, выпустим
мы их – и всё. И нет никому до них дела. Тут еще одна
сложность. Каждому нашему выпускнику полагается одно-
комнатная квартира. От государства. Все-таки Подмосковье,
не Урюпинск какой, понимаете? Большая ценность. Хорошо,
если кто-то себе мужа или жену на эту квартиру поймает...
Лучше бы уж в общежитии жили.

– А что так?

– Звонил я тут как-то одному парнишке. Хороший был
парень, Васька, добрый, тихий... Так вот, снимает трубку
незнакомый мужик. Я спрашиваю Василия. Нет его. А когда
будет? А никогда: продал квартиру и уехал. Куда? Неизвест-
но. И это далеко не первый случай.

– Так нужно следить, проверять. – Сапегин втянулся в те-
му.

– Кто будет этим заниматься? По какому праву? Человек
совершеннолетний. Что хочет – то и делает. Кто мы ему?

– Как кто? Вы – его семья. Он тут всю жизнь прожил.

– Вы в детстве не мечтали о самостоятельности, чтобы ро-
дителей не слушаться? – Директор вернул очки на перено-

сицу и внимательно посмотрел на Сапегина увеличенными линзами глазами. – Вот! Так и они. Многие, конечно, поддерживают контакт, навещают. У нас тут в штате, кстати, почти все – бывшие наши воспитанники. Но всех на работу не возьмешь. Пытаемся что-то в голову вбить, подготовить. Но слова – одно, а реальность... Ладно, увлекся я, простите. Что вы еще спросить хотели?

Сапегин не сразу смог переключиться. Помолчал, собираясь с мыслями.

– Вы бы, это... на очки резинку, что ли, наденьте, – посоветовал он. – Что ж они падают-то?

– Привык уже, – пожал плечами директор.

– В ту ночь все дети были на месте?

– Разумеется.

– И Игорь Старостин?

– А почему именно он? – насторожился Шубин.

– Потому что он, как мне известно, постоянно бегают в деревню. К некоему Томину. Не знаете?

– Знаю. И не поощряю. Но и не запрещаю! – с вызовом закончил директор и размашистым ударом вернул съехавшие очки на переносицу.

– Он по ночам к нему сбегал?

– Было дело, – признал Шубин. – Пресекли. С Иванычем поговорили.

– С кем?

– С Томиным. Федор Иванычем. Он понял и повлиял.

Еще вопросы?

– Кто был в ту ночь охранником?

– Миша. Сейчас его нету.

– А где он?

– Сам не знаю. Третий день на работу не ходит.

– Не странно? – удивился Сапегин.

– Странно, – кивнул директор, снова поправив очки. – Но не смертельно, надеюсь. Миша, он, между нами говоря, запойный.

– Кто теперь вместо него?

– Завхоз наш, Вадим Алексеевич. Нужен?

– Если вы не против.

– Пойдемте, провожу.

В длинном коридоре пахло школьной столовой, откуда-то снизу доносился разноголосый гомон детей. Сапегин подождал, пока директор запрет дверь, и двинулся следом за ним. Мраморный пол звонко откликнулся на шаги, необычное, какое-то объемное эхо заметалось под потолком. С одной стороны – глухая, крашеная серой краской стена, с другой – череда сводчатых окон. Коридор пересекал арки, расположенные на равном расстоянии между оконными проемами. По верху стены, метрах в трех над полом, тянулся замысловатый лепной узор.

Погода то ли налаживалась, то ли портилась: ветер порвал пелену сизых облаков на длинные рваные лоскуты, в прорехах периодически высверкивало солнце. И тогда в коридоре

как будто зажигался свет, а полуоблетевшие, неопрятные тополя за окном казались еще более жалкими. Сквозь рощицу проглядывал спуск до оврага и вдалеке, в окружении желтых березовых крон – луковица купола с ажурным крестом. Ветер крутил над церковью стаю ворон.

– Ваш завхоз той ночью тоже дежурил? – спросил Сапегин в спину директору.

– Нет. Михаил тогда как раз последнюю смену отработал. Коридор уперся в лестничную площадку. Чугунные ступеньки с чугунными перилами – все в завитках и узорах – тянулись вниз. Наверх вела лестница поскромнее – узкая и без узоров

– Вот туда, – показал директор вверх. – Пойдемте, представлю.

– Давайте я сам.

– Как угодно. Тогда пойду в столовую, распоряжусь. Накормить вас надо.

– Бросьте.

– Нет-нет. У нас дети сами готовят. Для них гостя за стол усадить – это важно. Закон гостеприимства. Вы не отказывайтесь. И похвалите. Если, конечно, понравится.

Директор пошел вниз. Сапегин последил, как его сгорбленная, кургузая фигура преодолевает спуск, и поднялся по ступенькам. Наверху оказалась небольшая площадка перед двустворчатой дверью с начищенной до искристого блеска медной ручкой в форме львиной морды. Сапегин как-то ма-

шинально вместо того, чтобы постучать, пару раз поднял и отпустил вставленное в нос льва кольцо – звякнуло.

– Войдите!

Маленькая комната. Противоположная от входа стена представляла собой полукруглый эркер с двумя широкими окнами. В этой нише располагался стол. Справа у стены – диван. Слева – еще одна дверь.

– Вы Вадим Алексеевич Морозов?

– Да, это я.

За столом сидел плотно сбитый человек лет сорока. Русые волосы, зачесанные на прямой пробор, свежевыглаженный костюм, гладкое овальное лицо – офисный клерк-статист из американского фильма.

– С кем имею честь?

– Капитан Сапегин, следователь. Насчет иконы.

– Любопытно, – улыбнулся Морозов, показав ровные зубы. – Присаживайтесь. Каким боком следствие вписало меня в картину преступления?

– Пока никаким.

– Обнадеживает это ваше «пока».

Капитан присел напротив хозяина, на вежливо скрипнувший стул. Был Морозов слишком стандартен, глазу не за что зацепиться – и это раздражало Сапегина. Аккуратный, как манекен на витрине. Разве что на столе беспорядок: папки, тетрадки, пара раскрытых книг. Большая бутылка на деревянной подставке с роскошной, детально проработанной мо-

делью яхты внутри. Возле дивана, у входной двери – книжный шкаф с массивными резными ножками: книги втиснуты в несколько рядов, некоторые, кажется, вот-вот упадут. Паркетный пол с густым слоем лака, будто воду кто разлил. И очень светло – из-за эркера, конечно. Ну и солнце как раз снова выглянуло из-за туч.

– Вы ведь в курсе событий, произошедших в деревне? Похищение иконы...

– Да-да, конечно.

– Мне сказали, что охранник детдома, дежуривший в ту ночь, пропал.

– Ну, так уж сразу пропал. Семченко, между нами говоря, таким вот образом пропадает пару раз в год... Понимаете?

– Понимаю, – кивнул Сапегин. – И тем не менее. Вы можете сказать, все дети были на месте в ту ночь?

– Разумеется. – Морозов перестал улыбаться. – Я всегда делаю обход после отбоя. Это примерно в двадцать три ноль-ноль.

– А вы тут ночуете?

– Ну, вообще-то у меня дом в деревне. Но да, я предпочитаю здесь. – Морозов показал на дверь в боковой стене.

Дверь эта была тоже двустворчатой, вроде той, что вела наружу, но значительно у€же: если открыть только одну створку, завхоз, наверное, и не пролез бы. Под белой краской на дереве виднелись следы каких-то объемных узоров.

– На кого же вы дом-то оставляете?

– Ни на кого, – вздохнул Морозов. – В том-то и дело. Один я. Так что все хозяйственные хлопоты проще решать здесь. Да и на работу вставать удобнее.

– А в ту ночь охранник, Семченко, был на месте?

– В полночь примерно я его видел. У него в комнате, рядом с вестибюлем.

– Он должен всю ночь караулить, не спать?

– Теоретически, наверное, да. Но у нас тут не режимный объект.

– То есть теоретически кто-то мог проскочить мимо него.

– Да, но этот кто-то еще должен иметь ключ от входной двери.

– Мог взять у охранника...

– Тогда проще спуститься по простыне из окна. На втором этаже у нас решеток на окнах нет. Из туалета, например.

– Значит, выбраться можно?

– При желании все можно, – улыбнулся Морозов. – Но только где-то примерно в три часа ночи я шел в мужской туалет за водой. Бессонница у меня. Простыни на окне не было.

– А после трех?

– Но это уже неважно, я так понимаю. К тому времени уже все было сделано, разве нет?

– Откуда такая осведомленность о времени преступления?

– Это деревня. Тут все всё знают.

– Понятно. А вообще, никто из ваших детей особого интереса не проявлял к иконе? Ну, в церковь, например, вдруг зачастил...

– Пойдите, вы что же, всерьез...

– Вы меня извините. Мы уже на эту тему объяснились с товарищем директором, не хотелось бы повторяться. Так что давайте я буду задавать вопросы, а вы просто на них отвечайте.

На окно, громко скрежетнув когтями по жести карниза, опустилась растрепанная ворона, крутанулась вокруг себя, наклонила голову, блеснув внимательным глазом – будто рассматривала повернувшихся на звук людей, – и, немелодично каркнув, сорвалась вниз. Сапегин, когда шел к детдому, снаружи этого эркера и не заметил.

Дом представлял собой типичную дворянскую усадьбу в классическом стиле – длинное двухэтажное здание, выкрашенное в желтый цвет. Ровно посередине вход, под массивным фронтоном с четырьмя колоннами. Симметричные ряды чередующихся квадратных и сводчатых окон... Наверное, кабинет завхоза смотрел на задний двор. Хотя странно: капитан Сапегин не был специалистом в вопросах архитектуры, однако ему казалось, что такой элемент, как эркер, никак не вписывался в композицию здания.

– Это у вас позднейшая пристройка? – спросил он насупившегося завхоза.

– Что, простите? – дернулся Морозов.

– Эркер.

– А, вот вы о чем. – Завхоз обрадовался вопросу, оживился. – Это, знаете ли, весьма любопытная история.

– Вот как?

– О, да. Тут за перелеском железная дорога проходит. Меньше километра до нее. Вот оттуда аккурат в это окно в незабвенном восемнадцатом году прилетел фугасный снаряд, выпущенный бронепоездом с гордым названием «Смерть паразитам». Часть стены осыпалась. Потом, при ремонте, было решено сделать с угла еще один выход. Так и получился этот чудный кабинет.

– Что-то не слышал я про гражданскую войну под Калугой.

– Да что вы! – Морозов всплеснул руками. – Можно сказать, что гражданская война именно у нас в Калуге и началась. Первый документально зарегистрированный случай расстрела Совета солдатских депутатов контрреволюционными силами. Но, впрочем, вы правы. Боевых действий тут особо не велось. Просто проездом выбили контру из усадьбы генерала Шепелева, заодно и дом буржую попортили...

– Интересуетесь историей?

– Преподаю нашим детям краеведение.

– Ну тогда хватит. – Сапегин выставил ладонь. – Про краеведение мы с вами потом как-нибудь. А сейчас давайте про детей.

– Никто никуда не ходил, никто иконой не интересовал-

ся. – Голос Морозова поскучнел. – И вообще, товарищ капитан, наши дети не воруют.

– Ой ли?

– Именно так. Не обучены.

– Хотелось бы верить.

– Ну вот и верьте, – невежливым тоном посоветовал завхоз.

Снаружи звякнуло кольцо дверной ручки, скрипнули петли, в кабинет всунулась белобрысая голова – паренек лет десяти. С любопытством уставился на капитана, ощупал взглядом фигуру: видимо, искал кобуру.

– Чего тебе, Курдюков? – спросил завхоз, выглянув из-за Сапегина.

– Сказали, чтобы дядьку милиционера в столовую позвал.

– Да, точно! – снова обрадовался Морозов. – Вам обязательно надо попробовать стряпню наших хозяек.

– Ну ладно, пошли. – Сапегин поднялся.

Ребенок распахнул дверь. Морозов пошел вместе с капитаном. Чугунные ступеньки лестницы откликнулись на шаги низким гулом.

– Дядька, ты к нам пришел подземный ход искать?

Паренек нисколько не стеснялся незнакомого человека, даже наоборот – держался к нему поближе, пару раз брал за руку, направляя в повороты.

Вдоль длинного коридора первого этажа были развешаны картины: нелепые и добрые пейзажи и портреты – произве-

дения детей. Картины располагались ровно напротив окон, и когда из-за туч выглядывало солнце, контуры оконных решеток четко отпечатывались на рисунках. Сапегин мимоходом отметил, что смотрится это весьма мелодраматично.

– Какой подземный ход? – спросил он у паренька.

– В подвале. Он через овраг и кладбище идет. В церковь. По нему мертвецы ходят. Они священников убили.

– У вас есть подземный ход? – обернулся Сапегин к завхозу.

– Мифы и легенды детдома.

– Дядя Вадим, вы же сами его искали! – возмутился ребенок.

– Не говори глупости, Александр! – строго сказал Морозов. – Понимаете, товарищ капитан, есть у местных поверье, что существует секретный тоннель, ведущий из усадьбы в церковь. Для наших воспитанников искать подземный ход – традиция, передающаяся из поколения в поколение.

Они свернули за угол – и сразу окунулись в запахи и звуки большой кухни. Паркет под ногами сменился кафелем.

– Неужели еще не нашли? – поинтересовался Сапегин у ребенка.

– Нашли. Только подвал заперт все время. Ты меня усынови, я тебе покажу.

– Курдюков! – фыркнул Морозов.

– Я подумаю над твоим предложением, – серьезно ответил Сапегин.

– А пистолет у тебя где?

– Пистолет? А зачем...

Глава 5

...боль, шумела кровь в ушах, перед глазами от резких движений начинали плыть мелкие белые точки. Незнакомая комната. Зеленый матерчатый шар абажура, беленый потолок с желтыми разводами сырости по углам, хромированная дуга кровати спинки, двустворчатый старомодный шкаф, цветастые занавесочки на окне.

У изголовья кровати в плетеном кресле сидел бородатый мужик. Борода была не очень длинной, сантиметров пять – черная, с вплетениями проседи. Густые волосы коротко стрижены, с пробором ровно посередине головы. Мохнатый серый свитер с высоким горлом. Он сидел, но было видно: худой и высокий. Длинные ноги в черных джинсах и ботинках на толстой подошве вытянуты вдоль кровати.

– Кто такой? – Юрий Григорич неловко приподнялся на локте, покривился, когда движение отдалось болью над ухом.

– Как голова? – поинтересовался бородатый довольно приятным баритоном.

– Нормально голова. Ты кто?

– Отец Димитрий.

– Поп, что ли? – нахмурился Юрий Григорич.

– Типа того.

– А что на кладбище делал?

– Искал.

– Чего?

– Икону.

Глаза у отца Дмитрия были расположены глубоко, как карнизы нависали мохнатые брови. Крутой лоб поблескивал. Юрий Григорич снова откинулся на подушку. Вместо пяти ламп в люстре осталось только две, проволочный каркас растягивал материю абажура – казалось, ребра выпирают из сведенного голодом живота. Рядом с проводом с потолка свешивалась слегка покачивающаяся на сквозняке нитка паутины, тень от нее плавала по стене.

– Это ты меня? – Юрий Григорич потрогал влажный рубец под заскорузлыми волосами.

– Я.

– Жестко.

– А если на тебя ночью на кладбище с ножом нападут? – невесело хмыкнул отец Дмитрий.

– Я ночами по кладбищу не шляюсь, – сказал Юрий Григорич и смущенно погладил усы.

Хорошее было лицо у отца Дмитрия. Старо-обрядческое, как сказали бы художники. Глаза только слишком глубоко посажены. Даже и не разберешь, какого цвета. На стене у кровати висел ковер с плетеной желтой бахромой снизу, по грубой материи выцветший рисунок: луг с ромашками, солнце на небе, рядом с солнцем почему-то звезды, крупные, грязно-белые, похожие на шестеренки. Над ковром торчали такие же поблекшие бумажные обои с повторяющимися за-

витками.

– Если бы ты ночами по кладбищу не шлялся, ты бы сейчас здесь не лежал, – заметил отец Димитрий.

В этот раз его улыбка была веселой, даже озорной: блистали в глубине бороды ровные зубы. Юрий Григорич, поддавшись настроению, тоже кривовато улыбнулся.

– Чем это ты меня?

Отец Димитрий приподнялся – у противоположной спинки кровати стояло еще одно кресло, в котором лежало его то ли пальто, то ли шинель – достал из-под складок метровую серую трубу с ручкой из голубой изоленты.

– Из чего она? – невольно заинтересовался Юрий Григорич, снова тронув шишку на голове.

– Из православного дюралюминия, – ответил отец Димитрий, протягивая оружие для ознакомления.

Труба оказалась на удивление легкой, а изолента делала ручку ухватистой и приятной на ощупь.

– Это что?

По всей поверхности трубы были выгравированы еле видные надписи.

– Благочестивые письма.

– Понятно.

Юрий Григорич посмотрел через трубу на абажур и вернул владельцу.

– Будем считать, что сам виноват, – подвел итог.

– Правильно, – согласился отец Димитрий, бросив оружие

обратно в кресло.

- Ты меня к Иванычу притащил?
- Ну а кто еще?
- Как узнал, что я у него?
- Я тут уже второй день. Видел.
- Ты из-за иконы?
- Из-за нее. Буду искать.
- У вас там милиции не доверяют?
- Кто в России милиции доверяет?
- Верно.

С кухни доносились звон и плеск – дед, видимо, мыл посуду. Юрий Григорич снова глянул на окно: светло вроде. Утро уже как минимум. Хотя горящая люстра давала полное ощущение ночи. И почему-то казалось стыдно спросить время.

- Полдесятого, – сказал отец Димитрий.
- Долго я тут...
- Выспался зато.

На кухне у Федора Иваныча резко пахло жареным луком. Старик стоял у плиты, перемешивая в сковороде крупно нарезанную картошку. Плита была старая, советская, с конфорками, похожими на воронки – над ними колыхались крупные, как лепестки цветка, язычки газа. При свете дня кухня выглядела еще более обшарпанной: пузатый холодильник с ручкой-скобой, радио с погнутой телескопической антенной, белый крашеный буфет с мутными стеклами в дверцах, стол с драной скатертью. В такую обстановку луковая

вонь вписывалась уместно и даже органично. Дверь, ведущая на терраску, выкрашена светло-салатовой краской: вся поверхность в глубоких продольных трещинах и потеках копоти.

– Очухался? – ворчливо поинтересовался Иваныч.

Он был одет в потрепанную клетчатую рубашу с дырками на локтях и обвислые брюки военного образца. Юрий Григорич заметил на вешалке возле двери свое пальто: кашемир был рыжим от грязи, к спине прицепились листья и даже ветки.

– Ты что, волоком меня тащил, что ли? – пробурчал Юрий Григорич, не оборачиваясь.

– Временами, – откликнулся отец Димитрий.

– Здравствуй, батюшка, – поздоровался старик.

– Будь здоров.

– Прошу к столу.

Картошка оказалась очень вкусной, крупные полукружья лука сочно хрустели на зубах. Юрий Григорич морщился: каждое движение челюсти больно отдавалось в ссадине. Прикрытый грязной тюлевой занавеской, на подоконнике стоял горшок с бегонией, один лист растения прилип к сочащемуся испариной стеклу. За окном, похоже, опять начался дождь.

– Ну расскажи, обо что это ты так приложился? – поинтересовался старик.

– Чего? – не понял Юрий Григорич.

– Котелок обо что повредил? – Иваныч для ясности постучал себя по голове.

– Я не стал его расстраивать, – пояснил отец Димитрий.

Он сидел у стены, рядом с холодильником. Ел картошку медленно, боялся обжечься. Света на кухне было много, поэтому Юрий Григорич наконец смог разглядеть его глаза: голубые, несколько блеклые, но очень внимательные, колючие.

– Так это ты, что ль, его, отец честной? – Иваныч даже развеселился.

– Сам виноват.

– Сам, сам, – покивал в ответ на вопросительный взгляд Юрий Григорич. – Я его спьяну за врага принял, хотел поймать.

– Поймал?

– Как видишь.

– Ну давайте тогда чай пить.

Чайник тоже был старый – желтый, эмалированный, с голубой незабудкой на боку. Юрий Григорич знал, что изнутри он крепко зарос известью: лет тридцать уже чайнику, и это только тот срок, за который Юрий Григорич мог поручиться. А сколько этому чайнику на самом деле, даже Иваныч, наверное, не помнит.

Отец Димитрий принял чашку двумя руками, обхватил крепко, словно отогревая замерзшие руки. Вначале понюхал свежезаваренный чай, потом, зажмурившись, отхлебнул. Вкусно пил чай батюшка, и было видно, что любит он это

дело.

Тут тень мелькнула в окне, прогремели шаги на терраске. Два глухих удара – и на пороге возник человек в серой милицмейской форме. Дверь открылась не до конца, уперлась в вешалку, полную одежды – толстому милиционеру пришлось чуть ли не протискиваться. Вошел, снял фуражку, знакомым движением провел по ершику волос. И Юрий Григорич его узнал.

– Здравия желаю, люди добрые, – сказал милиционер.

– Здорово, Карлсон, – ответил Юрий Григорич.

Милиционер прищурился, вгляделся.

– Пономарь, ты?! – радостно расплылся в улыбке.

– Узнал? Молодец!

Федоров в два широких шага добрался до Юрия Григорича, обнял.

– Почему «пономарь»? – наклонился к дяде Феде отец Димитрий.

– Фамилия ихняя Пономаревы. Отсюда и кличка у Юрки.

– Что у тебя с головой? – спросил участковый.

– Вчера через кладбище шел, споткнулся, об оградку приложился.

– Что за день такой был! – покачал головой Федоров. – Отец Андрей тоже вчерась споткнулся и теперь с гипсом ходит. Ладно – как сам-то?

– Да потихоньку... – Юрий Григорич махнул на стол: – Давай, присоединяйся, расскажу.

Иваныч вытащил из-под стола бутылку, продемонстрировал гостю.

– Потом как-нибудь, – помотал головой участковый. – Сейчас тут мой коллега рыскает. Боюсь, будет недоволен. А вы кто? – внезапно повернулся милиционер.

– Отец Димитрий. Из патриархии, – гордо пояснил дядя Федя. – Приехал про икону выяснять. По своей, так сказать, линии.

– Понял. – Федоров переключился на дядю Федю. – Я к тебе зашел предупредить. Очень советую полегче с товарищем Сапегиным. И бомбой ему не угрожай.

– Миной, – поправил старик.

– Тем более. Он сегодня зайдет. После обеда, наверное.

– Хрена он зайдет, – мстительно сощурился Иваныч. – Я дверь запру, окна занавешу. Пусть, падла, хоть обстучится.

– А вы тут зачем? – снова обратился Федоров к отцу Димитрию.

– Свидетель. – Священник показал пальцем на дядю Федю.

– Доступно? – спросил Иваныч, дернув себя за ус.

– Доступно, доступно, – успокоительно вытянул ладони участковый. – Все, пошел. Пономарь, с тебя вечером причитается.

Хорошо, хоть пальто не заметил, подумал Юрий Григорич, когда товарищ детства скрылся за дверью. Иваныч встал, внимательно проследил через окно, как Федоров вы-

шел с участка, задернул шторы и вышел на терраску: звякнула щеколда.

– Ты чего, дядя Федя? – спросил Юрий Григорич, когда старик вернулся.

– Ходят тут, суки, итить их мать... – брезгливо протянул Иваныч, присаживаясь.

– Вовка – парень неплохой...

– Только ссытся и глухой! – подхватил старик зло. – Нашли, падлы, грабителя. Я два раза в танке горел. У меня осколков полная нога.

– Они считают, что ты украл икону? – подал голос отец Димитрий.

– Выходит так. – Иваныч опустил глаза.

– Почему?

– Сволочь потому что! – Старик принялся накручивать усы.

– Давай без эмоций, – строго произнес священник.

– Мужики, шли бы вы... – начал было Иваныч, но уперся в еще один требовательный взгляд.

– Дядя Федя, ты видел тетку Ульяну? – спросил Юрий Григорич.

– Ну ты-то чего, Юрка?

– Я вот чего... Достань-ка бутылку, надо поправиться. Расскажу сейчас.

Старик с готовностью вытащил из-под стола водку. Две рюмки были на столе, прятались за сахарницей. Юрий Гри-

горич поднялся за третьей к буфету. Оказалось, что дождь снова ударил в полную силу – зашумел по листьям, из открытой форточки...

Глава 6

...как будто и не кончался. Крупные капли веско шлепали по крышам, взбивали лужи. Ветер выдул с холма все тепло: конец сентября, а ощущение такое, что не сегодня завтра пойдет снег. Сказочными ладьями плавали изогнутые листья по многочисленным лужам. На площади, вокруг памятника Ленину асфальт совсем исчез под сплошным желто-коричневым ковром. В раскисших переулках уже начинало темнеть.

– Здорово, архимандрит!

Пахнуло чесноком – впритык подступило чье-то лицо: мясистый, приплюснутый нос, пухлые щеки в щетине, мутноватые глаза, короткая стрижка над низким лбом. Мужик, лет тридцати. Позади, чуть сбоку, еще один. Тоже крепкий, тоже небритый, в бейсболке с иностранной надписью. Оба в коротких кожаных куртках, раздутых пузырями.

– Чего вам?

– Поговорить надо.

– Слушаю.

– Пошли-ка отсюда.

Второй парень зашел сбоку, подхватил под руку. Развернулись обратно в переулок. Мужики шли по колее, отец Андрей семенил по середине дороги, заросшей мокрой травой. Ряса пропиталась водой, отяжелела, липко путалась в ногах.

Вдоль волнистых линий покосившихся заборов, пригибаясь под ветками яблонь. Вслед неся редкий собачий лай.

– Ты икону куда дел, борода? – прошипел над правым ухом один из мужиков.

– Глупости не спрашивайте, парни!

– Давай, давай, колись, – подхватил левый мордоворот.

– Прекратите.

– По-хорошему просим, отдай! – снова несвежее дыхание у самого носа.

Переулок привел к низкому кирпичному зданию, обсаженному по периметру кустами шиповника. Кладка – схожая с церковной, но попроще: раньше здесь размещалась приходская школа. Четырехскатная крыша с двумя слуховыми окнами, в волнах шифера кое-где зеленел мох. Козырек крыльца на двух опорных брусках, несколько покосившийся направо. Четыре окна по фасаду с распахнутыми железными ставнями. В одном, за зелеными занавесками, горит свет. Бывшая учительская, теперь здесь обитал отец Андрей. К входу через заросли вела тропинка, выложенная по обочинам поставленным на ребро кирпичом.

Мужики толкнули священника вперед, сами двинулись следом – пройти сквозь кусты можно было только по одному.

– Оставьте меня в покое, слышите?

– Ковыляй резвей!

Снова толчок – и отец Андрей, споткнувшись, распахнул плечом фанерную дверь. Теплый отсвет упал на крыльцо.

Мужики быстро нырнули вслед за хозяином. Дверь с грохотом захлопнулась. Начинало темнеть...

– Не врешь? – спросил отец Димитрий.

– Ну ты что! – обидчиво отстранился Митяй. – В натуре говорю! Наш священник и, эта, два бугая с ним. Подхватили и поволокли.

– А хрен ли ты смотрел-то? – презрительно бросил Кабан.

– А что делать надо было?

Митяй и Кабан – два алкоголика. Отец Димитрий встретил их в магазине, одноэтажной постройке с застекленным фасадом, смотрящим на площадь Ленина. Митяй – маленький, щуплый, вертлявый, в грязно-коричневом спортивном костюме и дутой синтетической куртке с надписью USA на спине. Клетчатая кепка на коротко стриженной голове дополняла образ классического гопника. Кабан же был типичным «богатырем»: ростом под два метра, коричневая кожанка с крупной молнией – такие носили военные летчики – еле сходилась на животе, широкое лицо с толстыми губами, раскиданные во все стороны кудрявые вихры. Если Митяй напоминал какого-то мелкого зверя, типа хорька или белки, то Кабан, несмотря на свое прозвище, больше походил на медведя. Оба были небриты, и от обоих за версту несло кислым перегаром.

Отец Димитрий застал Митяя с Кабаном у прилавка, в процессе выпрашивания у продавщицы – мясистой, нестарой еще тетки с большим носом – бутылку взаймы. Про-

продавщица беззлобно крыла их трехэтажным матом, вспоминая прошлые долги. Митяй сыпал скороговоркой, мельтешил, проглатывая окончания слов. Кабан изредка вставлял реплики – басовитые, основательные. Это напоминало некий устоявшийся ритуал, традиционному течению которого помешало появление в магазине постороннего.

– Земляк! – гулко прокричал Кабан, заметив отца Димитрия. – Выручи. Двадцать рублей.

– Брат! – Митяй вмиг подскочил, пристроился сбоку и проникновенно заглянул в глаза. – Брат, эта, помоги! Трубы горят! Сам понимаешь, бывает, что приперло, помоги, а то, эта, копыта откинем.

– А ну отвалили от человека! – прогремела продавщица от прилавка.

– Не лезь, тетя Люда! – плаксиво попросил Митяй.

– Вы местные? – спросил отец Димитрий.

– А чьи ж еще-то? – презрительно хмыкнула тетя Люда. – Вы думаете, мы таких из города выписываем?

– Кровопийца! – обличил ее Кабан.

– Как разговариваешь! Попроси у меня еще!

– Бутылку столичной, три стакана и банку огурцов, – заказал отец Димитрий.

– И сигарет. «Примы» хотя бы, – попросил Митяй.

– Гулять так гулять! – кивнул отец Димитрий.

Все-таки было похоже, что погода налаживалась: просветы в тучах становились все шире, солнце уже надолго не ис-

чезало. Пейзаж заиграл теплыми тонами, воздух очистился от влажной мути, потеплело.

Митяй с Кабаном привели нового знакомого на опушку рощи за кладбищем. Уселись на пригорке, под тремя березами, у стола, роль которого выполняла повернутая набок катушка из-под кабеля. Вокруг катушки был протоптан круг, все остальное пространство поросло высокой травой, тонкие стебли которой напоминали спутанные волосы. Склон круто спускался к излучине ручья, в этом месте довольно широкого. В гуще камышей виднелся деревянный помост – к нему от дороги, опоясывающей холм снизу, вела тропинка. За ручьем, на крутом холме, сквозь тополя проглядывал старый дом с колоннами. А левее тянулось поросшее бурьяном и кустарником поле, за которым – у самого горизонта – стояла стена леса, плавно загибающегося в сторону деревни. Когда выглядывало солнце, серый, похмельный пейзаж разительно преображался: грязная трава становилась золотой, искрами выблискивал ручей в камышовой гуще, загорались яркими красками кроны далеких тополей на холме у детдома.

– Отец Димитрий, а ты, эта, правда священник? – спросил Митяй, присаживаясь на бревно.

– Нет, – ответил отец Димитрий и уселся рядом.

– Глупостей не спрашивай, – посоветовал Кабан.

– А чего он в шинели?

– Хочется ему.

Кабан положил пакет на стол и начал методично выклады-

вать: стопку пластиковых стаканчиков, бутылку водки, баклажку пива, банку с огурцами, несколько штук нарванных по дороге яблок, сигареты. На дощатую поверхность стола, еще толком не просохшую, налипли листья, отчего казалось, что сверху лежит нарядная скатерть. Посреди деревянного круга имелась дырка, в которую была засунута пластиковая бутылка со срезанным верхом – в коричневой воде плавали разбухшие окурки. Митяй резко вскочил, сдернул со стола бутылку, с хрустом свернул крышку. Кабан расставил стаканы.

– Ты извини, земляк, за халяву, – попросил Кабан.

– Ну да, поправиться надо, а денег нету, – подхватил Митяй. – Мы, эта, принимали вчера немного.

– И позавчера, – добавил отец Димитрий.

– Ну, эта, и... да. Подхалтурили тут немного. Надо было отдохнуть, от работы и кони дохнут.

Митяй держал стакан двумя руками, напоминая белку – особенно когда опять опустился на бревно, поджав к груди ноги.

– Что за люди были? – спросил отец Димитрий.

– А? – не понял Митяй.

– Что за люди на настоятеля напали?

– Так, эта, не знаю я. – Митяй поиграл бровями. – Вроде Хунькины.

– Чьи?

– Тарас Хунько называется, – ответил Кабан.

– Местный новый русский с Украины, – подхватил Митяй. – У него с той стороны деревни птицеферма. Мимо проходишь, воняет, эта, так, что глаза режет. А сам он сюда приехал в начале девяностых. Молоком барыжил. Потом поднялся, начал куриными-яйцами торговать. Сука, эта, каких поискать.

– Выпьем, – напомнил Кабан.

Стаканы врезались друг в друга, хрустнули, упруго изогнув кромки. Водка обожгла, скособочила, застряла в горле, где-то чуть пониже кадыка.

– Курва, – просипел Кабан, моргая заслезившимися глазами.

– А ты что хотел за сорок пять рублей? – свистящим шепотом поинтересовался Митяй.

– Многих в лихие годы водка покосит, – сказал отец Дмитрий, подхватив со стола яблоко.

– Точно, – согласился Кабан, выуживая огурец.

– А как не пить? Ты, отец, эта, сам видишь, как живем. Как собаки! Жизни не стало. Работы нету.

– А что ты умеешь?

– Да я что угодно! – Митяй возбужденно вскочил с бревна. – Я и плотник, и сантехник, и автослесарь. Мне что хошь скажи – я никогда от работы не отказывался.

Ветер набросился на деревья, несколько листьев, кружась, опустились на стол, один – прямо в стакан Кабана. Тот хотел было вытащить, потянулся, но почему-то передумал. Солн-

це рассыпалось бликами на округлостях бутылки. С креста церкви сорвалась ворона, понеслась через поле в сторону детского дома, протяжно каркая.

– Я, эта, сто профессий имею, если на то пошло, – невнятно закончил Митяй, прикуривая.

– К Хуньке наймись, курей пасти, – поддел Кабан.

После принятой водки лицо его покраснелось, на лбу выступил пот. Он расстегнул молнию, под курткой оказалась засаленная тельняшка с растянутым воротом, из-под которого виднелся край какой-то татуировки.

– Хунька – падла, я у него работал как-то. – Глаза Митяя зло заблестели. – Он меня на бабло серьезное кинул.

– А с чего ты решил, что это были люди вашего Хуньки? – спросил отец Димитрий.

Он тоже поднялся, отряхнул шинель и, выудив из пачки «Приму», покатал меж пальцев. Митяй с готовностью подставил горящую зажигалку.

– Разве священники курят? – удивился Кабан.

– Нет.

– А как же ты...?

– Грешен.

Солнце грело все ощутимее. От пожухлой, мятой травы на склоне поднимался пар. Вода в ручье на фоне желтеющих камышей казалась черной. Запахло сеном.

– Так значит, узнал людей? – снова спросил отец Димитрий.

– Эта, вроде бы, – вдруг засомневался Митяй. – Темнело уже, так? Но кажись, его амбалы, эта...

– А ты просто смотрел? – Кабан сплюнул.

– Нет! Достал, эта, шашку и всех порубал! – огрызнулся Митяй.

– Очко сыграло?

– А ты чего меня подкальываешь? – обиделся Митяй. – Мне не в падлу вступиться. Сам знаешь. Эта... Я тогда с Петрухой от бригады с Калуги вдвоем отбился, понял?

– С каким Петрухой? – поднял бровь отец Димитрий.

– Был тут товарищ один, Петруха, автосервис у него был, – сказал Митяй, снова присаживаясь. – Вот я у него, эта, два года работал, машины чинил. Ну и, эта, приехали с Калуги братки, хотели крышевать. Мы их тогда так отмудохали, что больше, эта, не приезжали. А Петруха потом спился и помер...

– Хороший человек был, – скупно кивнул Кабан.

– Само собой, – согласился отец Димитрий.

– Чего само собой?

– Среди алкоголиков сволочей не бывает.

– Почему так считаешь? – удивился Кабан.

– Они промеж вами не задерживаются. Либо в могилу, либо в трезвую жизнь. Вы, Божьей милостью, держитесь только на человеческом сочувствии. А к сволочам какое сочувствие?

– Думаешь, мне много сочувствия перепадает? – враз на-

супился, помрачнел Кабан.

– Да уж побольше, чем вашему Хуньке. Тебя люди из сугроба зимой поднимут и пусть пинками, но домой проводят. А его?

– Обоссут еще сверху, чтобы примерз крепче, – прохихикал Митяй.

– Я бы поднял, – заявил Кабан.

– Потому и тебя поднимают, парень. И в магазине водку в долг отпускают, когда загибаешься. Понял мысль?

– Я никому ничего плохого не сделал – вот почему!

– За это и жив пока еще. Несмотря на всю эту мерзость, – указал отец Дмитрий на бутылку.

– Еще? – тут же отреагировал Митяй, дернувшись к столу.

– Наливай!

– Вот! – поднял палец Кабан. – Все пьют.

– Все пьют, да не все выпивают, – промурлыкал себе под нос Митяй. – Давай, эта, мужики, за нас с вами, за хрен с ними. И чтобы у нас, эта, все было и ничего нам за это не было. Не ради пьянства окаянного...

– Ты на следующие тосты оставь! – попросил Кабан.

– Короче – дернули!

– Ваше здоровье! – отозвался отец Дмитрий.

Кабан, опрокидывая стакан, широко раскрыл рот и захватил плавающий в водке березовый листок. Закряхтели, зашмыгали носом, захрустели яблоками. Уже подкатывалось опьянение, накрывало волной. Растекалась по телу лень. И

даже Митяй порастерял свою судорожную расторопность.

– Хунька этот иконой интересовался? – спросил отец Димитрий, дождавшись, когда собутыльники отжуют закуску.

– Кто знает, – пожал плечами Кабан, снова наполняя стаканы.

Он за все время лишь несколько раз глянул на отца Димитрия. Предпочитал не смотреть на собеседника. В отличие от Митяя, который имел привычку во время разговора елозить взглядом по лицу – как будто приценивался, решал: подходит или не подходит?

– Хунька, эта, в церковь-то ходит. Ну а кто не ходит? Все в рай хотят.

– В рай? – осклабился отец Димитрий.

– Ладно, ладно! Не начинай. Знаем. Все как свиньи живем.

– В России всегда так, – покачал головой Кабан, глядя в даль. – Самая скотская страна.

– Чего несешь-то? – Митяй вскочил, встал напротив. – Что тебе не нравится?

– Все мне не нравится. Сколько тебе?

– В смысле?

– Лет сколько, Митяй?

– Тридцать шесть.

– На. – Кабан протянул стакан.

Снова выпили. Отец Димитрий откинулся назад, прислонившись к стволу березы. Изогнутые тонкие ветки нависали

над столом, листья медленно колыхались, напоминая рыбок, запутавшихся в водорослях. Разрывы в облаках ширились. Припекало, как летом.

– В твои тридцать шесть ты что видел, кроме пьянки? – продолжил мысль Кабан, хрустя яблоком.

– Что я видел, не твое дело, – рассердился Митяй. – Ты мне кто, чтобы допрашивать? Эта, проповедник нашелся. Вон он сидит, жизни не учит, а тебя кто за язык дергает? Сам-то много видел?

– Я воевал. У меня орден Красной звезды.

– И что толку? Я со школы сбежал, ты, эта, летное окончил. А все одно: сидим тут и водяру жрем. Что, не прав?

– Почему так, отец Димитрий? – повернулся Кабан, впервые прямо взглянув на собеседника.

В глазах у него стояли слезы, то ли от водки, то ли от обиды. Отец Димитрий оторвался от созерцания листьев. Алкоголики замерли напротив: Кабан с налитым кровью лицом и Митяй с пустым стаканом в руках. Оба ждали.

– Пока цели нет, будете водку жрать, – сказал отец Димитрий.

– Нефть, газ – все есть. А сытой жизни нету, – пожаловался Митяй.

– Сытая жизнь – не цель.

– Мне бы хватило, – заявил Кабан.

– Не хватило бы. Снова оказался бы здесь, за этим столом, вот с этой бутылкой.

– А прав он, эта! – неожиданно поддержал Митяй. – Тебе сколько бабла ни дай, все пропьешь.

– А тебе – нет? – огрызнулся Кабан.

– И мне, – согласился Митяй. – Хрен ли их копить?

– Национальная черта: на мелочи не размениваемся, – сказал отец Димитрий. – Нам либо весь мир спасать, либо не стоит и зад с лавки поднимать. Без идеи в России холодно, стынут души... А кто-то еще надеется тут капитализм построить.

– Америка построила как-то, ничего, – заявил Кабан.

– Вот у них там сытая жизнь, – кивнул отец Димитрий. – Всегда полное корыто. Ты долго просидишь у полного корыта, Кабан?

– А так, что ли, нормально? По уши в дерьме. Либо воюем, либо блюем с перепую.

– Все умрут. И пьяные, и сытые. Только в Америке этого не осознают, поэтому довольны. А ты все прекрасно понимаешь. Оттого и не сопротивляешься, когда в дерьмо падаешь. Но это даже хорошо. Как колодец: чем глубже проваливаешься, тем ярче звезды на небе.

– Из колодца не выберешься.

– Было бы желание... Главное, знать, с какой стороны дерьмо, а с какой небо. В России всегда умели ориентироваться.

– Это, ты, батя, про бога сейчас намекаешь? – подсуетился Митяй.

– Не про бога, а про Бога.

– Он, эта, про нас с Кабаном и думать забыл.

– Он смотрит на вас. Прямо сейчас.

Митяй испуганно задрал лицо к небу, Кабан машинально повторил его движение, но тут же опомнился: опустил голову, сплюнул.

– Врешь, – процедил зло.

– Отчего так решил?

– Сдались мы ему...

Отец Димитрий резко поднялся, придвинулся вплотную к Кабану. Тот попробовал отшатнуться, но священник, предвосхитив движение, крепко ухватил за отворот кожанки, притянул. Сейчас, в распахнувшейся шинели, он очень походил на памятник Дзержинскому с Лубянской площади. Даже борода будто бы собралась на подбородке в острый клин.

– У него сейчас нет важнее задачи, чем на тебя смотреть, – проговорил отец Димитрий, впритык разглядывая бегающие мутные глаза. – Это я тебе заявляю со всей ответственностью.

Митяй бросил еще один затравленный взгляд на небо, осторожно сдернул кепку: на бугристой голове, в глубине короткой стрижки, белели ровные штрихи шрамов. Отец Димитрий отпустил Кабана и, вернувшись к столу, взял сигарету. Кабан, испуганно косясь на нового знакомого, разлил из бутылки остатки.

– Ну пусть посмотрит, эта, как мы сивуху бухаем... – об-

реченно вздохнул Митяй, притянув стакан.

– Ему намного обиднее, что ты с ним за всю свою жизнь ни разу не поздоровался, – ответил отец Димитрий, прикуривая.

– Дык, эта...

Глава 7

...к магазину, уже догадался, кого увидит внутри. Потому что у входа был припаркован черный, поблескивающий лакированными боками джип «БМВ». Идеально чистая машина посреди грязи и глубоких луж, заполнивших выбоины асфальта, смотрелась неестественно.

Капитан Федоров знал, что Тарас Хунько очень любит свои машины. У него их имелось две – помимо этого «БМВ» еще белый «Мерседес». Ездить ему было особо некуда, жил он рядом со своей птицефермой, но Хунько ежедневно умудрялся найти повод для выезда: то в магазин, то в гости к председателю, то в церковь. И после каждой такой поездки, иной раз не превышающей расстояние в пару сотен метров, он самолично мыл автомобиль на площадке перед гаражом. Демонстративно, на виду у всей деревни: по несколько раз меняя воду в ведре, медленно и с наслаждением водил губкой по кузову, залезая в самые интимные места машины, начищал хромированные поверхности, полировал стекла... «Есть гомосеки, а этот автосек», – вспомнилась Федорову чья-то шутка.

Участковый толкнул дверь – массивный железный лист с ручкой через всю поверхность, по диагонали. Усмехнулся, убедившись, что не ошибся: Тарас Хунько стоял у прилавка, напротив продавщицы тети Люды. Маленький, пузатый,

с широким ртом и жирной, в складках, шеей, он всегда ассоциировался у Федорова с Джабой Хаттом – персонажем из «Звездных войн». Федоров, понятное дело, никому про эти ассоциации не рассказывал, но про себя иначе как Джабой Хуньку не называл.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – обрадовался Хунько.

Улыбка у него была какая-то незамутненно-детская, задорная, но соседство с немолодым, обрюзгшим лицом и маленькими, колко и настороженно поблескивающими глазками окрашивало эту улыбку в зловещие тона. Так улыбались клоуны в фильмах ужасов.

– Привет, Володя, – проскрипела продавщица.

Тоже вот интересный момент: Федоров родился и вырос в деревне, с пеленок помнил тетю Люду – вначале продавщицу «сельпо», потом, после развала СССР, владелицу магазина «Продукты». Была она для него «тетя Люда» в детстве, осталась «тетей» и сейчас, когда ему уже перевалило за сорок. И опять же, несмотря на его возраст и звание, он был для нее все тем же Вовкой. Нельзя сказать, что проблема эта серьезно волновала участкового, но все же Федорову было интересно: найдет ли он когда-нибудь способ естественно и ненавязчиво перейти с тетей Людой на ты и избавиться от «тети»? Наверное, нет.

– Тебе чего, товарищ милиционер? – спросила продавщица.

– Сигарет.

Тетя Люда, когда накручивала густые русые волосы в крендель на затылке, была просто один в один фрекен Бок из мультика про Карлсона. Сегодня в пользу этого сходства работал еще и ее цветастый сарафан. Продащица метнулась за угол прилавка – там располагалась табачная секция: весь имеющийся в наличии ассортимент был выставлен в длинный ряд.

Вообще, как давно отметил Федоров, у тети Люды имелось особое представление о маркетинге: она всегда старалась выставить на обозрение максимальное количество имеющихся товаров. Витрина-холодильник полностью занимала длинную сторону магазина, прерываясь только на стол с кассовым аппаратом. За прилавком, по стене, тянулись трехэтажные полки с бакалеей, наглухо заставленные мешками, пакетами, коробками и банками. Первое, что сделала тетя Люда, приватизировав магазин, – это пристроила еще один прилавок к боковой стене, разложив под стеклом хозтовары. Из-за этого торговый зал магазина напоминал богатый склад из фильма «Операция «Ы».

– Одну? – крикнула тетя Люда, не оборачиваясь.

– Две.

Тетя Люда не спросила марку сигарет, она наизусть знала, кто что курит в округе. Вернувшись, выложила на прилавок две пачки «Золотой Явы».

– Запиши на меня, – сказал Хунько.

– Не надо, – отказался Федоров, доставая деньги. – А ты тут чего?

– Да так, поболтать зашел, – весело отозвался Хунько. – Все зову Людмилу Васильевну замуж. Не соглашается.

– Я всегда готова, – подмигнула тетя Люда участковому. – Но только вдовой.

– Типун тебе на язык! – Улыбка Хунько дрогнула.

Федоров знал, что Тарас несколько раз предлагал тете Люде продать ему магазин. Тетя Люда отказывалась. И после каждого такого отказа магазин кто-то поджигал. Впрочем, по слухам, весной к Хуньке наведались из райцентра – тетя Нина проработала тут не один год, знала всех нужных людей – и поговорили по душам. После этого разговора поджоги прекратились, а тетя Люда смогла где-то найти денег на капитальный ремонт. Сейчас они с Хунькой перешучивались, но Федоров понимал: дай им волю, наверное, вцепились бы друг другу в глотки.

– Тарас Григорич, мне с тобой поговорить нужно, – сказал Федоров.

– Всегда рад пообщаться с умным человеком, тем более с офицером, – заверил Хунько, но глазки тревожно пробежались по лицу участкового.

– Пошли, – пригласил участковый и двинулся к выходу.

Как по команде из-за облаков выглянуло солнце – и «БМВ» вспыхнул, как новогодняя елка. Заиграли округлости полированного кузова, полыхнул хром, бликующая лужа

под днищем превратилась в поднос, на котором подали этот шедевр немецкого автопрома. Хунько замер на крыльце, залюбовался.

– Смотрел фильм «Кристина»? – поинтересовался Федоров. – Это по Стивену Кингу.

– Нет. – Хунько не сразу оторвался от созерцания машины.

– Зря, посмотри.

– У тебя есть?

– На кассете.

Хунько нажал на пульт, машина мелодично просвистела.

– Крутые ребята давно уже компакт-диски пользуют, – сказал он, открывая дверь. – Давай ко мне, чайку попьем.

В салоне пахло кожей и ванилью. Федоров уселся в удобное кресло и с любопытством принялся разглядывать многочисленные циферблаты и датчики приборной панели.

– Поехали! – скомандовал машине Хунько, поворачивая ключ.

Тихий треск стартера, всего на пол-оборота – и двигатель ожил, заурчал. Хунько, явно рисуясь, прихватил руль двумя пальцами и, развернувшись вокруг памятника Ленину, нырнул в свой переулочек. Ни тряски, ни скрипа – амортизаторы работали безупречно, сглаживая все неровности дороги. Действительно, езда в такой машине сама по себе доставляла удовольствие. Правда, длилось оно недолго: Хунько жил в конце переулочка, у поля.

Он припарковал машину перед гаражом, хотя ворота, как знал Федоров, были автоматические. Будет мыть, прежде чем загнать, понял участковый.

Федоров по привычке с силой захлопнул дверь и услышал, как Хунько, вышедший следом, шумно втянул воздух.

– Что ж ты так хлопаешь, капитан! – вроде шутливо, но с неподдельной болью в голосе воскликнул он. – Это тебе не ваши ведра.

– Извини, – спрятал улыбку Федоров.

Он знал: был бы на его месте кто другой, Хунько бы не сдержался – обложил бы матюгами с ног до головы.

Высокий забор из коричневого гофролиста – метра три, не меньше. Широкие ворота, сбоку – узкая калитка с электронным замком. Тарас подошел, приложил ключ-таблетку.

– Прошу, товарищ капитан.

Хунько любил намекать, что у себя, на Украине, еще до развала Союза имел отношение к спецслужбам. Предпочитал обращаться к Федорову по званию, причислял себя к офицерам, иногда начинал рассказывать про некие спецоперации, но тут же, вроде как спохватившись, замолкал... То ли врал, то ли нет – проверить было невозможно. Да и не интересовало это Федорова. А что Хунько – трепло, то вся округа знала.

Обширный двор – квадратный участок в два-двадцать соток – разделяла на две части высокая перегородка из сетки-рабицы. Левая часть была отдана под птицеферму: перед длин-

ным одноэтажным зданием, пристроенным к забору, медленно расхаживали куры, ковыряясь в жирной, усыпанной звездочками следов земле. Справа, тоже прижавшись к забору, стоял двухэтажный кирпичный дом хозяина. Внешне дом выглядел заурядно, даже уныло: просто прямоугольная коробка с двускатной, крытой ондулином крышей. Однако Федоров знал, что внутри у Хунько все обустроено на высшем уровне, имеется даже сауна с бассейном. Пространство перед домом было выложено разноцветной зигзагообразной брусчаткой.

За домом виднелась будка грузового МАЗа, у ближайшего торца, из-под навеса, выглядывал породистый зад белого «Мерседеса». От колес машины к воротам вели две рыжие грязевые колеи, смотревшиеся на каменной мозаике уродливыми рубцами. Федоров покачал головой, заметив следы: это значило, что Хунько умудрился сегодня еще и на «Мерседесе» прокатиться.

– Слушай, как ты вонь эту терпишь? – спросил участковый, кивнув на кур.

– Так своя вонь, не чужая, – осклабился Тарас. – Для меня она баблом пахнет.

Соседи уже давно жаловались на ужасный запах от Хунькиной птицефермы. Тарас поставил трехметровый забор: по его уверениям, это полностью решило проблему. Судиться с бизнесменом деревенским жителям было дороговато – отстали. Однако находясь сейчас внутри двора, Федоров вы-

нужден был признать: по сравнению с вонью внутри наружу пробивался всего лишь легкий запахок.

– Ты бы их в стойлах держал, что ли, – посоветовал Федоров.

– Мало понимаешь в птицеводстве, товарищ капитан. Кура, она на месте сидеть не должна, она от этого продукт некачественный дает. Я с того и делаю всех конкурентов, потому что птица у меня в естественных условиях несется. Вон пехи, видишь? Племенные быки! Сам подходить боюсь.

– Ну а так санинспекция постоянно трясет.

– Она трясет не за кур, а за кошелек. Я тут хоть мрамором все выложу – им один хрен.

– Это да, – признал участковый.

Крыльцо перед входом считалось особой гордостью хозяина. Два чугунных столба, выполненных в виде стволов деревьев, поддерживали полукруглый навес, увитый металлическими виноградными лозами, под козырьком на мощной цепи – светильник, стилизованный под газовый фонарь. Хунько уверял, что за всю эту икебану выложил две с половиной тысячи долларов. Возможно, не врал.

Когда подходили, дубовая дверь с наложенной поверху узорчатой кованой решеткой распахнулась. Вышел Толик, узбек, числившийся у Тараса кем-то вроде управляющего. Федорову было известно, что по паспорту он Тахир, но Толик привычнее. Следом за Толиком неожиданно вышла Клавдия Степановна, местная старушка, в клеенчатом паль-

то и длинной шерстяной юбке, из-под которой массивными утюгами торчали галоши. Увидев участкового, даже подпрыгнула от неожиданности.

– Здравствуй, Володя, – прошелестела испуганно.

Тетя Клава значилась в деревне колдуньей. Ну, то есть колдуньей она стала после развала СССР, раньше наоборот – работала в райкоме. Но никого это не смущало. Старшее поколение рассказывало, что бабка ее тоже в свое время по колдовской части значилась. Федоров относился с пониманием: чем еще бывшей партийной работнице на жизнь зарабатывать? Тем более что вид она имела подходящий: маленькая, сгорбленная, с длинным носом – вылитая Баба-яга из мультфильма «Ну, погоди!». Голос у нее был тихий, но пронзительно-шипящий. Федоров уже хотел поинтересоваться, что она тут делает, но не успел.

– Ну как? – требовательно спросил Тарас.

– Все сделала, все решила, – затараторила колдунья. – Окна до завтрашнего утра не расшторивай, понял? И вот это не снимай.

Оттопыренный кривой палец угрожающе ткнул вверх. Ручка у старушки была маленькая, сморщенная и худая до синевы – не рука, а куриная лапа. Федоров поднял глаза: к чугунным завиткам светильника был привязан пучок высушенной травы.

– Понял, – серьезно сказал Хунько. – Толик, проводи.

– Хорошо! – по-восточному певуче растягивая гласные,

кивнул Толик.

– И вот это чтобы быстро смыл! – Тарас обличающим жестом указал на следы колес. – Понял?

– Сейчас сделаем, хозяин, – засуетился узбек.

– Вот то-то! Пошли.

– Володя, – окликнула тетя Клава.

– Чего? – Федоров изумленно обернулся.

– Ты не зайдешь ко мне?

– Зачем это, тетя Клава? Погадаешь?

– Разговор... Ладно, сама как-нибудь зайду.

– Ну давай, – пожал плечами участковый.

Широкий холл с вешалками по обеим сторонам двери. Арка с двустворчатой стеклянной дверью. За ней гостиная. Стены обшиты состаренным деревом, толстые балки под потолком. Огромный, в полстены, камин. По бокам высокие окна, наглухо закрытые плотными шторами. Стойка бара с крутящимися стульями, частокол бутылок на полках. Помещение вполне сгодилось бы на роль небольшого салуна для съемок вестерна.

– Чего у тебя тетя Клава делала? – поинтересовался Федоров, заметив над окном, на карнизе, пучок травы.

– На удачу заговаривала.

– Веришь в это?

– А мне один хрен. Лишним не будет. – Хунько, обогнув стойку, занял место бармена. – Чего налить, капитан?

– Виски, – заявил Федоров, оседлав стул, похожий на вби-

тый в пол гвоздь.

– Одобряю!

Тарас достал из-под стойки пару массивных граненых бокалов, прихватил со стены нарядную бутылку. Плеснул. Чокнулись, выпили. Хотя и бокалы американские, и виски вместо водки, а пьем залпом, отметил Федоров. Хунько облизнул губы и стал еще больше похож на Джабу Хатта.

– О чем говорить хотел? – хриплым после алкоголя голосом спросил он.

– Отец Андрей, настоятель наш, руку где-то сломал. Слышал?

– Откуда? – поднял брови Хунько.

– Деревня. Слухи быстро разносятся.

– Я слухи не собираю.

– А я вот прислушиваюсь. Говорят, видели его вчера с двумя бугаями. Не из местных. Говорят, очень на твоих ребят похожи.

– Вранье, Владимир Николаич. Опять Черемезовы, небось, наябедничали. Покою мне от них нету, все жалуются и жалуются. Завидуют, шакалы гнилые.

– Черемезовы тут ни при чем. И без них глаз достаточно. Хочу с твоими охранниками поговорить.

– О чем? – Хунько снова плеснул в бокалы. – Что ты им скажешь? Не ломал ли кто из вас руку местному священнику? Надеешься, кто-то расколется?

Федоров взял тяжелый стакан – стекло на дне в пару сан-

тиметров толщиной, – поболтал виски. Выпил, не чокаясь.

– Я ведь найду, – не глядя на Тараса, тихо заявил он.

– Сомневаюсь.

Хунько лихо вбросил виски в открытый рот, сморщился, потряс головой, вытер губы рукавом.

– Не нравится мне этот отец Андрей. Мутный он какой-то. У меня, признаться, были подозрения, что это он икону слямзил.

– И людей завалил?

– Кто их там разберет, бородатых, на что они способны. Я не знаю, кто с ним поработал. Но это больше не повторится.

– А ты кто такой, чтобы решать, с кем «работать», а с кем нет? – Федоров в упор посмотрел на Тараса.

– Я свои границы вижу, капитан. – Хунько придвинул ногой стул, уселся напротив. – И за них не выступаю. Но и ты не наглей. Я тут половину алкашей халтурой обеспечиваю. Одних налогов на пол-лимона в год плачу. Это моя деревня. Я не меньше тебя в порядке заинтересован.

– Плохо ты заговорил, Хунько. Нагло.

– Чего?! – Тарас откинулся назад.

Рот его растянулся в задорной улыбке, но глаза заискрились бешенством. Хунько втянул голову в шею, отчего из-под воротника рубашки выперла жирная складка, как брюхо у жабы. Настолько разительной была эта метаморфоза – был человек, а стал упырь, – что Федоров поначалу испугался. Но испуг почти сразу смыла злость: он подобрался, готовый

вскочить, перелететь через стойку и, схватив жирного червя за загривок, извозить рожей по рядам бутылок. Вот только пусть хоть слово вылетит из этого детского рта, один намек на звук... Но Хунько, видимо, разглядел что-то в лице участкового: обмяк, снова приняв человеческий облик.

– Все, все, все! – быстро проговорил он, подняв перед собой пухлые ладони.

Глаза его потухли, только где-то в глубине засела злоба. Хунько обид не забывает – это Федоров знал.

– Все. Понял. Перенервничал сегодня. Бывает, сам понимаешь, – зачастил Тарас. – Моих там не было. И больше не будет. А те, кто был, будут наказаны. Договорились? Поп сам виноват, с кулаками набросился. Я с ним рассчитаюсь. И за причиненные неудобства, и за травму. Решим. Забыли. Давай мировую.

– Просто всё у тебя, – процедил Федоров, беря стакан.

– А чего усложнять? Поп заяву накатал, что ли? Чего ты впереди паровоза бежишь? Я виноват, я признаю. Готов заплатить за глупость. По закону что полагается? Тот же штраф.

Федоров тяжело посмотрел на Тараса – была в его словах логика. И резон. И обсуждать вроде бы больше нечего. Покаялся бизнесмен, готов возместить ущерб. И главное – поп-то действительно не сказал ничего. И не скажет.

– Вот еще что, – спохватился Хунько. – Совсем забыл. Я же тебе тут...

Он почти бегом рванул из бара через внутреннюю дверь. Федоров, снова поболтав стакан, выпил и закурил. Послышались приближающиеся шаги: хозяин вернулся с длинным кейсом, обитым черной кожей.

– Вот. У тебя тут день рождения был...

– Ну да, – кивнул Федоров. – Пару месяцев назад.

– Так я об том же, – радостно заулыбался Тарас.

Он плюхнул кейс на стол, развернул к участковому.

– Поздравляю. Ты же у нас заядлый охотник.

Федоров знал, что внутри. Он неспешно затыкнулся, потушил сигарету в пепельнице и придвинул к себе кейс. Щелкнул замками, откинул крышку. На красном бархате лежало ружье. Вороненые стволы, ореховый приклад, развинченный на секции шомпол, узорная масленка... Двустволка. Holland & Holland.

– Надеюсь, на охоту как-нибудь вместе съездим. – Хунько провел пальцем по изгибу приклада.

– Съездим, – кивнул Федоров, вытаскивая стволы из футляра. – Если захочешь.

– Ну вот и договорились. Так?

– Знаешь, Тарас...

Глава 8

...неизвестно, но можно предположить, что из-за этого самого дела. С другой стороны – участковый к Хуньке и просто так, бывало, захаживал. Тот его подкармливал. «Подкармливать» – этим термином Клавдия Степановна обзавелась лет пять назад. То ли где-то услышала, то ли прочитала. Ей казалось, что он очень точно передает суть этого позорного существования чиновников и бандитов-спекулянтов.

– А сама-то ты кто? – тут же откликнулся внутренний голос. – Колдунья из бывших партаппаратчиков? Хунька и тебя прикармливает. За веники твои и бормотания вон сколько отвалил.

– Помолчи уже, дура! – произнесла Клавдия Степановна вслух.

И тут же воровато огляделась: нет, все нормально, в переулке никого. Имелась у ней такая проблема – внутренний голос. Для кого-то, может быть, образное выражение, а для Клавдии Степановны самая что ни на есть реальность. Бывало, такие словесные баталии в голове разыгрывались, что ум за разум заходил. Тайком от местных в районную поликлинику даже ездила. Врач успокоил бабуку: никакого раздвоения личности, просто особенности самовосприятия, зато не скучно.

Что верно, то верно. Скучать внутренний голос не давал.

Принадлежал он женщине – не старой, лет под пятьдесят. У Клавдии Степановна давно сложился ее образ: крупная высокая, с короткой стрижкой, очень похожа на актрису Нонну Мордюкову. Обращалась по имени-отчеству, держалась в рамках приличий, но ехидные ее вопросы всегда били в цель. За это Клавдия Степановна с ней не церемонилась, называла Нонкой-шалапуткой, иной раз, в пылу спора, могла и матом приложить.

Клавдия Степановна, когда выходила утром из дома, оделась по погоде: с утра дождь был. И сейчас, когда сквозь прореженные тучи стало проглядывать солнце, в вязаной кофте и пальто становилось жарковато. Она остановилась у калитки Чертковых, чтобы перевести дух. Обернулась: в конце переулка, у высокого забора, виднелась Хунькина машина – большая, черная, с блестящими металлическими полосами. Зачем такая бандура одному человеку? Не меньше «рафиков», что раньше от деревни до Калуги ходили. Как-то они, эти черные, называются...

– Джипы! – подсказала Нонна.

– Все-то ты знаешь, – с издевкой похвалила Клавдия Степановна.

– Да и тебе бы, мать, не мешало. В двадцать первом веке, небось, живешь-то.

– Слушай, подруга...

Забор у Чертковых был старый, покосившийся, редкие доски хранили следы зеленой краски. За забором, в зарос-

лях облетевшей сирени, стоял одноэтажный дом, тоже зеленый. Вообще, в деревне было много зеленого: мужики, что на заводе работали, однажды, лет тридцать назад, еще при СССР, приволокли несколько бочек этой краски – что-то там на складе то ли списали, то ли забыли оформить при инвентаризации... Вся деревня тогда этой краской выкрасилась, до сих пор оттереться не может. Чертковы вот тоже. Хотя Надька, владелица, конечно, аккуратно все сделала: сам сруб зеленый, а резные элементы – наличники и свесы крыши – белые. Маленький, с аккуратной полумансардой, дом смотрелся очень нарядно. Но давно уже тут никто не жил, с тех пор как Надька вслед за мужем, Борисом Сергеевичем, на кладбище перебралась. Дом как-то обмяк, краска облупилась, рубероид на крыше лоскутами поотлетал... И вот сейчас показалось Клавдии Степановне, что из слепого окна, залепленного пылью, смотрит кто-то. Длинное белое лицо...

– Блик солнечный, чего всполошилась-то? Завязывай со своим колдовством – мерещиться ничего не будет!

– Шла бы ты! – осерчала почему-то Клавдия Степановна. Сердце от той рожи, в окне померещившейся, ёкнуло, зашло куда-то за ребро и там застряло. Клавдия Степановна даже пощупала под грудью, не выпирает ли из-под кожи пульсирующий желвак. Еще раз присмотрелась: нет, пустое окно. Тут как раз солнце за тучу зашло, отблески на стекле потухли, и стало видно часть комнаты с буфетом. Клавдия Степановна вспомнила, что в этом буфете у Надьки стояла

хрустальная ваза, всегда полная конфет.

– Пойдем, колдунья, – с грустной улыбкой покивала Нонна.

– Скоро и мой дом так вот, с пустыми окнами...

– Васька со своей приедут, в наследство вступят.

– Где там! Продадут если только. Да кто ж его купит, в нашей глухомани?

– У тебя яблони какие! Вишни. Как дача кому-никому да сгодится.

Клавдия Степановна вышла из переулка на площадь. Возле двери магазина замерла знакомая фигура – Федор: тельняшка из-под мятого телогрея, галифе, кирзачи. Левый ус традиционно задран кверху – всегда любил подкручивать, как гусар.

– О! Любовь твоя за водкой выбралась, – пошутила спутница.

– Молчи, понимала бы что! – смущенно прошипела Клавдия Степановна.

– Здорова, Клава! – крикнул Федор Иваныч, передумав заходить в магазин.

– Привет героям-танкистам! – задорно отозвалась Клавдия Степановна. – Как живешь-можешь?

– Да потихоньку.

– За пол-литрой?

– Обижаешь, подруга. Внушек ко мне сегодня заскочит, надо что-то к чаю.

– Внучек! – фыркнула Нонна. – Сбрендил на старости лет.

– Познакомишь, может быть? – Клавдия Степановна обрадовалась посетившей ее идее. – А то все говорят, говорят, а я и не видела.

– Дык ты заходи ко мне. Часам к пяти, значит.

– Есть, товарищ лейтенант, – звонко отрапортовала Клавдия Степановна.

– Ты еще замуж попросись! – посоветовала Нонна. – Только не забудь белье кружевное нацепить, как рабыня Изаура.

Федор скрылся за дверью – его фигура смутно прорисовалась сквозь грязноватое витринное стекло. На миг в разводах пыли мелькнуло то самое – длинное, белое: то ли лицо, то ли лошадиная морда. Но Клавдия Степановна ее не заметила. Она пошагала наискосок через площадь, прямо по газону перед памятником.

От газона тут, правда, осталось одно название: сектора усыпанной мусором земли, огороженные раскрошившимися бордюрами. А ведь было время, когда вокруг Ленина росли голубые елки, монумент опоясывали толстые цепи, висящие на чугунных столбах. Эти цепи они с Петром Николаевичем, председателем, заказывали в Москве, на заводе ЗИЛ. А теперь от бывлой красоты остался один Ленин. Высокий, метра под три, постамент, с квадратными следами от содранной мраморной плитки. Фигура вождя без каноничной кепки и вытянутой руки. Скульптор запечатлел Ленина в движении – стремительном, легком: правая нога вперед, плащ припод-

нят порывом ветра... От елок по периметру даже пеньков не осталось, а он все спешит куда-то.

– Ну что встала-то? – поинтересовалась Нонна.

– Вон там он стоял, – показала на угол газона Клавдия Степановна.

– Кто?

– Федор.

Было это после войны. Сорок седьмой год. Девятое мая. Торжественное собрание возле Ленина. Клавдия Степановна, тогда просто Клава, пионерка, на линейке. И Федор, молодой ветеран, боевой танкист, грудь в медалях. Кажется, она его только тогда и заметила – до этого даже не видела, пусть и жили в одной деревне. Тот день даже сейчас перед глазами стоит, как цветная фотография.

– Любовь с первого взгляда! – хмыкнула Нонна.

– Выходит так! – спокойно согласилась Клавдия Степановна.

– А что ж ты упустила-то?

– Жизнь так сложилась. Пока подросла, он женился. Потом, когда развелся, я уже замужем. Сын, второй...

– Ну Сашка, муж-то, тебя за дело бил.

– За дело, – согласилась Клавдия Степановна.

– Надо было к Федору не ночами бегать, а с детьми перебираться. Не ходили бы сейчас, как два огрызка.

– Где ж ты была, советчица, в шестьдесят первом году?

– Деньги обменивала.

Клавдия Степановна выбралась из грязи газона, обтерла галоши о край бордюра. Возле ее переулка, на краю площади, раньше, при Союзе, стоял навес с лавочками. Вечерами там собиралось деревенское общество. Место называлось «парламент». Много было народу. Популярнее телевизора развлечение: сплетни-анекдоты, политика-работа... Клавдия Степановна не любила эти сборища. Быстро проходила мимо, отмахивалась от приглашений. Вся земля вокруг навеса была выстлана ковром семечной шелухи. А она – партийный работник, образованный человек. О чем с этими хаями говорить?

А вот теперь, когда деревня одичала, а люди кто разъехался, кто поумирал, Клавдия Степановна до слез тосковала по этому ежевечернему сборищу. По людям. По спокойным лицам. Почему спокойным? Потому что знали про завтрашний день всё: утром на работу, вечером домой. И так до конца. Как говорили в старом советском фильме: «Что еще нужно, чтобы спокойно встретить старость?» А сейчас и жизни нет, и помереть страшно.

– Счастье только оглядываясь разглядеть можно, – подержала Нонна.

– Кому и оглядываться не на что...

Клавдия Степановна осеклась, вытащила изо рта несколько черных волосков. Откуда они – волнистые, толстые? Как из овчинного тулупа выщипаны. Обтерла пальцы о юбку. На месте «парламента» из земли еще торчали короткие обрезки

труб – туда были вставлены бревна навеса. Вот кто его разобрал? Неизвестно. Просто как-то утром шла в магазин, глядь – а «парламента» нету. Как деревня умирать стала, начались такие сюрпризы. Исчезли кадки с цветами перед памятником, цепи ограды. Кто взял – неизвестно. Появился высокий забор у соседей. Новые хозяева въехали. А старые где, Фирсовы? Неизвестно. Пропала маршрутка, что до Калуги ходила. Почему – опять неизвестно. И люди перестали общаться между собой, в гости друг к другу ходить.

– Ну ты-то, положим, и не ходила ни к кому, – заметила Нонна.

– Ну что ты рассказываешь! Надька Черткова – моя лучшая подруга была.

– Ага. И единственная.

– Просто люди как-то поменялись после развала Союза...

– И не говори. Я лично знаю одну пламенную коммунистку, которая в экстрасенсы переквалифицировалась.

– У меня бабка колдуньей была, между прочим. У нас это в роду. Ты же видела ее записи?

– Дуришь людей.

– Ничего не дурю. У меня, если хочешь знать, иной раз слова сами в заговоры складываются. Я и не знала никогда таких. Это все серьезнее, чем ты думаешь.

– Главное, люди верят, правильно? – хитро подмигнула Нонна.

– И что? Им тоже так спокойнее. Кому от этого плохо?

Клавдия Степановна зашла в свой переулок. И тут же, вскрикнув, замерла. Это становилось уже похоже на галлюцинацию. Бледная вытянутая рожа – как маска арлекина – мелькнула в залитой водой колее. Теперь даже успела разглядеть в подробностях: долгий нос, кривые губы, темные провалы глазниц. На блики уже свалить было нельзя – солнце затянуло в облака.

– Что это? – прошептала Клавдия Степановна.

И снова на языке шершавый клочок – спутанный пучок черных волос. Щетина.

– Что это? – во второй раз получился истеричный крик.

– Колдовством меньше занимайся, – посоветовала Нонна.

Судя по голосу, она тоже была испугана. Клавдия Степановна всмотрелась в лужу: никого, просто кусок кирпича торчал у края, отражаясь в грязной поверхности воды. Нет – было лицо. И не у кирпича, а чуть рядом, где кленовый лист. Или не было?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.